[redacted] ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

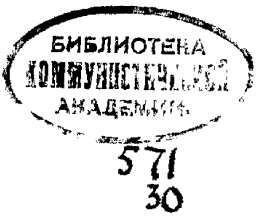
35

Н. Я. Марр

# РОДНАЯ РЕЧЬ

## МОГУЧИЙ РЫЧАГ КУЛЬТУРНОГО ПОДЪЕМА

Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе
ЛЕНИНГРАД 1930




Ленинградский Облстлит № 42473. — 4¾ печ. л. — Тираж 1000.

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12.

# Родная речь — могучий рычаг культурного подъема[1].

Тема — «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема». Я думаю, раз я обращаюсь если не исключительно к чувашам, то к работникам Чувашской Республики, отчасти же к чувашам, слушателям краеведческого курса чувашеведения, следовательно, и чувашского языка, да притом на открытом собрании членов и сотрудников Общества изучения чувашского края, то не может быть сомнения, что дело касается чувашского языка и в виду имеется культурный подъем чувашского народа. Однако, все-таки могут возникнуть вопросы, одни до начала чтения по самой теме, другие во время чтения, третьи, может быть, и по окончании, и все эти недоумения способны или мешать правильному отношению аудитории или вызвать в ней чрезмерное разочарование. В самом деле какой смысл говорить теперь о пользе родного языка в преподавании? Ведь, во-первых, и с точки зрения буржуазной науки это значит выступать в поход для вторичного открытия Америки; во-вторых, и, может быть, это самое главное, свобода культурного самоопределения каждой национальности, каждого народа, каждого племени это альфа в строительстве Советского Союза, и нет никакой надобности доказывать разумность того, что предоставлено. Однако, вопрос не в том, что предоставлено, а в том, что и как осуществляется или может

[1] Доклад, читанный в июле 1928 г. в Чебоксарах и в Ижевске и повторенный в качестве вступительной лекции в Восточном Институте имени А. С. Енукидзе в Ленинграде.

осуществляться. Ведь в самом деле не одной злобой пережитков павшего империализма к раскрепощенным народам и их молодой нарастающей культуре и как будто не одним недомыслием можно объяснять, что даже товарищи, глубоко проникнутые идеологиею нашей актуальной общественности, усматривают противоречие между неуклонным шествием человечества к единому внеклассовому обществу с единым языком, т. е. к унификации речи, и столь изумительно усердной, так неслыханно развертывающейся по всему нашему Союзу общественной работой над насаждением и развитием множества раньше и в помине не водившихся литературных языков. Точно безумцы хотят создать лишние помехи на пути прогресса человечества. Очевидно, за отсутствием специальных знаний, да правильных представлений по истории языка, у товарищей с подобными опасениями не хватает понимания того, что̀ действительно мешает унификации языка и что̀, наоборот, содействовало и содействует унификации. И, если к ним, таким все-таки всегда искренним протестам примыкают самоуверенно и звонко раздающиеся голоса тех субъектов, которые возражают против культивирования нововозникающих письменностей с ссылкой на убогость языков, попадающих в эту обработку, на безнадежность и бесполезность самого дела, то я готов был бы поднять перчатку в защиту этих «убогих» языков и в поддержку именно самого дела, если бы эти замечания сами не являлись воплощением убожества мысли и обоснованности, если бы из них не вытекало с очевидностью одно положение, достаточно разъясняющее их полную непродуманность или, пожалуй, лукавую продуманность.

Имею в виду не то, что авторы таких мыслей становятся по существу в непримиримое противоречие с одним из основных положений советского социалистического строительства. Имею в виду то, что при таком подходе они налагают на себя долг отыскать средства возможно скорейшего по всему СССР искоренения всех бесписьменных или младописьменных языков, ибо ставлю в упор вопрос: о каком новом хозяйственно-культурном строительстве может быть речь и какая при нашем строе орга-

нически потребная массовая работа может проистекать, если многомиллионные массы будут еще десятками, да сотнями лет во власти неокультуренных родных языков и неразлучных с ними атавистических мировоззрений часто каменного века? Но как же в таком случае мы говорим или собираемся говорить о родной речи, да еще о чувашской, как о могучем рычаге культурного подъема? Не думаем же мы, что в чувашском языке обрели достоинства таких мировых культурных языков, как классические языки Европы, греческий и латинский? Разумеется, нет надобности так искажать нашу мысль, но, тем не менее, никакая школа не может оставаться без теоретического изучения основного орудия общественности и человечности, языка, и менее всего советская школа, поскольку новая общественность требует более расширенного и более углубленного использования речи, не только письменной, но и устной, притом уже обычно — массово-публичной. Без правильной теоретической основы нельзя достигать грамотности, одними формальными приемами эмпирического порядка не изжить ужасающе неуступчивой безграмотности даже по давно, казалось бы, стабилизовавшимся языкам, в том числе и русскому, когда неслыханно-массовое общественное потребление и массовая тяга к знанию из непросвещенных слоев грозят и, может быть, не без основания, давно сложившимся нормам, казалось, окончательно и навсегда установившегося общесоюзного языка, не говоря о вновь слагающихся письменностях все со спорами еще о том, к чему прислониться и за что держаться при бесконечном разнообразии живой речи. Однако, наш доклад вовсе не сводится к вопросу о важности школьного преподавания данного языка и о практических приемах его грамотного усвоения. Дело идет у нас не об обучении тому или иному языку, в том числе хотя бы раньше наименее или вовсе не учитывавшемуся чувашскому, а о постановке теоретического изучения звуковой речи человечества на материалах своего живого родного языка. Бесписьменные и младописьменные языки, вообще живые языки, оказываются наиболее приспособленными для применения нового

учения об языке, так называемой яфетической теории. Благодаря освещениям, которые даются этим живым языкам, говорящие на них имеют возможность попутно получить идеологически развивающее осведомление не только по родной речи, но и по предметам, выходящим за пределы интереса своего околотка, за пределы мировоззрений своей колокольни, в частности, по международной увязке ее, родной речи, с языками и соседящих и бесконечно отдаленных стран, и по связи вообще звуковой речи с историей материальной культуры, форм общественного строя и мировоззрений.

При такой постановке дела родной язык в СССР намечается в кандидаты на то место, которое в свое время с честью занимали в европейской школе классические мертвые языки, греческий и латинский. Ясное дело, что это касается каждого родного языка, не одних бесписьменных или младописьменных языков. Это касается и русского языка при соответственном его освещении там, где он родной. Однако, не только русский, но и младописьменные, даже бесписьменные языки оказываются более приспособленными и для теоретической трактовки методом нового учения об языке, чем так много изучавшиеся классические языки, греческий и латинский, и обоснованию этой неизбежной смены с соответственным освещением роли, сыгранной в Европе классическими языками в росте мировой культуры, отводится место во второй части нашего доклада.

Само собою понятно, все построение у нас возводится в лингвистической части на положениях яфетической теории, нового учения об языке, и мало уверенные в знакомстве с его техникой и классификациею, им производимой и по формальным признакам звуковой речи в языках яфетической системы, в языковедной части довольствовались мы конкретными фактами сравнительно легкого для усвоения порядка, притом в той среде, где я читал, чувашской, в расчете на знание фактов соответственной родной речи, да и вообще касаемся лишь некоторых сторон яфетической теории.

Давно ли, нет еще пятилетия, как впервые выступил я, еще совершенный незнакомец, да и совсем мало ведающий чувашский язык с обширным, почти целиком специальным докладом о чувашском языке[1], о необходимости новой постановки его изучения, о важности чувашского языка, поскольку, независимо от его никем не оспаривавшейся связи и с турецкими, и даже с финскими, оказался он обладателем дотоле неслыханных и невиданных увязок с языками окружения ближнего и дальнего, причем дальние увязки с языками Кавказа, кроме грузинского и армянского, здесь также впервые тогда слышанные, как во всех университетах и академиях научно более просвещенной Европы, дали почву тогда же усмотреть яснее и осмысленнее наблюдавшиеся специалистами и раньше связи с языками непосредственного окружения и впервые не замечавшиеся дотоле совсем родственные схождения с русским. Тогда же было усмотрено необычайно важное научно-исследовательское значение чувашского языка, в своем своеобразии одинокого и в то же самое время способного стать средством увязки живых языков Запада с живыми языками Востока, но главное внимание все-таки было обращено на поразительные факты общности самого существенно-значимого материала в языке, слов, у русского с чувашским, у русского в оформлениях и осмыслениях, ныне находящих объяснение лишь в чувашском.

Доклад на эту тему вам, предполагается, известный «Чуваши-яфетиды на Волге»: здесь в Чебоксарах, в столице Чувашской Республики, читан он 30-го июня 1925 г. на объединенном заседании Исполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов Автономной Чувашской ССР с участием членов Общества изучения местного края, членов ВКП(б) и членов профсоюзов. Мне не известно, в какой степени важность, приданная заслушанию первого доклада нового учения об языке, была оправдана на месте у вас, у чувашей, в какой степени понимание нового учения об языке проникло в сознание тех, которым ведать то надлежит или по своей специальности научного изу-

[1] Чебоксары 1926.

чения чувашского языка и школьного ему обучения, или по общественному интересу к языку Чувашской республики, языку родному, языку своей возрождающейся на новых советских началах национальной культуры. Мое участие в Ленинграде и Москве в занятиях с националами-аспирантами по теории нового учения об языке, яфетической теории, мое участие в предприятиях возглавляемых мною научно-исследовательских учреждений, Академии Истории Материальной Культуры и Яфетического Института Академии Наук СССР, не дают мне вовсе права быть осведомителем того, что в интересующем нас вопросе сделано на месте, какой успех или неуспех и почему выпал новому учению об языке, точнее постановке изучения чувашского языка его методами в вашей стране.

Вероятно, вас интересует, изменилось ли за три года что-либо в приеме, с каким была встречена впервые яфетическая теория в ученой среде, именно гробовое молчание и убийственное равнодушие? Имею в виду именно научные круги, не общественные, и при том из этих кругов исключительно специалистов по языку, не историков материальной культуры, не историков права и не историков вообще, у которых новое учение об языке не только вызвало интерес и активное сочувствие, оно побудило кое-кого к мысли о пересмотре существующих построений по их специальности или об использовании уже установленных положений яфетической теории по языку в их независимых новых исторических построениях, в корне расходящихся с господствующими доселе взглядами. Назову один такой труд — «Три древнейших центра Руси»; называю этот труд потому, что он принадлежит научному работнику не центра, а мест — преподавателю Педтехникума в Вятке т. Быковскому[1]. Однако, и в кругу специалистов-лингвистов лед взламывается, гробовое молчание и убийственное равнодушие сдаются, уступая место активному выявлению интереса. Но инте-

[1] Из других исторических работ назову последние работы проф. Преснякова: Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы (ЯС, V), стр. 1—22; его же, Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории (Очерки по истории знаний, IV, изд. АН СССР, Ленинград 1928), стр. 35—50.

рес этот проявляется различно у нас, в РСФСР, и за границей. В русских лингвистических кругах, с усилением интереса к яфетической теории в общественных кругах и у учащейся молодежи, былое молчание, а иногда благожелательная терпимость сменялись прямыми ярыми выступлениями или попутным пусканием парфянских стрел, язвительных замечаний, но, увы, настоящей критики мы до сих пор не имели удовольствия читать, ибо все, что преподносится под таким названием, основано на недоразумении, на искаженном восприятии яфетической теории, причем не всегда ясно, что это — искажение сознательное, бессознательное или проистекает, что также бывает, от отсутствия малейшего знакомства с печатной литературой по яфетической теории.

Мы не говорим вовсе о тех, которые у нас ссылаются на незнание яфетических языков, чтобы оправдать свое молчание, а на Западе — на незнание русского языка, на котором напечатана основная масса яфетидологических изысканий. При этом упускается из виду, что само усвоение яфетической теории вовсе не требует знания яфетических языков, поскольку рядом с яфетическим языкознанием, имеющим отношение непосредственно к яфетическим языкам, сложилась самостоятельная дисциплина, новое общее учение об языке, специально о звуковой речи, основанное отнюдь не на материалах одних яфетических языков, часто вовсе обходящееся без них. Да и, наконец, если ученый лингвист действительно интересуется своим предметом вне традиционных завещанных шор, то путь к новому учению нельзя считать загражденным ни незнанием языков, которых раньше не изучали, а теперь надлежит знать, ни незнанием языка, хотя бы русского языка, раз лишь на нем имеется фондовая по вопросу часть специальной литературы. Для ученого лингвиста простой способ преодолеть такие мнимые препятствия: это выучиться этим языкам.

Так разрешен этот вопрос там, за границей, где к тому оказалась действительная охота: это в Вене. В результате — появление яфетидологической ячейки в Венском университете. Возглавляет

ее молодой лингвист, Robert Bleichsteiner, пришедший к яфетическому языкознанию из интереса к эламскому языку клинописей, теоретически из школы Hüsing'a, практически от занятий мегрельским, бесписьменным языком Кавказа, в лагере военнопленных, и по укреплении своей тяги к новому учению об языке нашедший поддержку в научной атмосфере австрийских лингвистов, этнологов и археологов. В результате ряд специальных изысканий методом яфетической теории и систематические выступления с пропагандой этого нового учения в западной литературе. Чтобы дать вам общее представление о положении яфетической теории за границей, ограничусь оглашением вступительной части одной специальной работы Robert'a Bleichsteiner'a, помещенной в первом выпуске за этот год венского этнологического журнала Anthropos. Работа эта озаглавлена так: «Этюды к познаванию эламского языка»[1].

Цитату мы приведем без усечения всуе расточаемых лично по нашему адресу похвал, не боясь быть заподозренным в желании выставляться ими, ибо, как не раз приходилось высказываться, само новое учение об языке имеет более глубокие историко-материалистически прослеживаемые корни, чем какое-либо личное дело или чем создание каких-либо экстраординарных индивидуальных данных кого бы то ни было, тем более таких или мистических или сомнительных качеств, как гениальность, всезнайство и т. п.

Итак, Bleichsteiner пишет: «Если мы ныне можем подходить с совершенно иными предположениями к исследованию связей между кавказскими языками, баскским и до-индогерманско-досемитическими языками Средиземноморья и соседящего (angrenzenden) с ним Востока, мы этим обязаны помимо богато представленных ныне языковых материалов, гениальности русского исследователя Н. Марра. Марр — создатель яфетической теории и того опирающегося на нее языковедного метода, который имеет в высо-

[1] Beitrage zur Kenntnis der elamischen Sprache (Anthropos. Bd. XXIII, Heft 1—2, Januar—April 1928), стр. 167—198.

кой степени значение не только для поставленной здесь у нас проблемы эламского языка, но также для проблемы общего учения об языке. Беря свое начало с отношений южнокавказских языков с семитическими, яфетическая теория проработкой громадного языкового материала постепенно вывела на свет божий широкое распространение яфетических народов в пределах (im Bereiche) Евразии, вскрыла отложения их языков и культур в среде наций, занимающих ныне их место, и, раздвигая (absteckend) все далее вехи своей работы с опорою на совершенно новые в лингвистике методы палеонтологии речи, она ищет проникновения в загадку самого языкотворчества. Представителям господствующей ныне языковедной школы, конечно, не легко усвоить себе мысли Марра, которые постигаются лишь по ознакомлении со всей необычайной жизненной работой русского языкоисследователя. Но, к сожалению, большинство того, что писано им, с трудом можно достать, кроме того оно составлено по-русски и вдобавок предполагает основательное знание кавказских языков, особенно грузинского и скрещенного индогерманско-яфетического армянского... При пламенном интересе, который уделяется [в мировой науке] проблеме третьего этнического элемента в средиземноморской культуре лингвистическими кругами, особенно с открытия Богазкейских надписей, уже давно пора сделать доступными результаты и методы теории Марра языковедам и не русской Европы, и это — задача, которую возымел намерение взять на себя автор этой статьи. Если я начинаю с эламского языка, основание этого лежит в том, что у нас, в кругу немецких ученых, изучение этого языка [эламского] и развернуло впервые проблему о связях с кавказскими языками. Обширная работа Марра «Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания» появилась в Записках Восточного Отделения Русского Археологического Общества именно в год, когда разразилась война. Распространение этой работы было задержано из-за мировой войны и последовавшей за ней в России разрухи. Между тем этот первый опыт подхода к эламской про-

блеме во всеоружии яфетидологического метода, и прежде всего также действительного знания нынешних кавказских языков, представляет необычайную ценность. И настоящая [немецкая] работа содержит с одной стороны все важнейшее из названной работы Марра, с другой стороны также результаты моих [т. е. автора, Bleichsteiner'a] собственных изысканий в области эламского языка, достигнутые применением яфетидологического метода».

Мы не входим сейчас в рассмотрение вопроса, в какой мере на Западе, даже при желании, возможно усвоение яфетической теории, особенно идеологической, ныне наиболее существенной ее части, мы этого вопроса касались в другой работе, озаглавленной «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком»[1]. Да вы сами поймете трудности восприятия научного построения о таком в корне социальном явлении, как язык, при разности общественного мировоззрения у Запада с нами. Для нас сейчас интересен лишь факт, что яфетическая теория входит в эксплуатацию западноевропейского научного производства, машина заработала, и могли бы, пожалуй, лишь добавить, что по бывшим у меня в распоряжении еще в Чебоксарах, досланным сюда выпискам из полученных новых специальных его работ, Bleichsteiner не только использует положения яфетической теории по части формального порядка, он все с большей и большей полнотою, захватывая и идеологическую сторону, усваивает ее методы.

Мы могли бы кое-что еще рассказать об интересе, растущем к новому учению об языке на Западе: не без внимания, хотя и опасливого, но тем не менее весьма чуткого и напряженного именно к яфетидологическому ее обоснованию, прошел в Париже курс грузинской грамматики, прочитанный там мною минувшей зимой в Школе Живых Восточных Языков по приглашению группы интересующихся французских ученых.

Для нас, однако, представляет более существенный, во всяком случае первоочередной интерес не внешний успех или неуспех,

---

[1] «Языковедение и материализм». Изд. ИЛЯЗВ. Ленинград, 1929 г.

не то, что другие говорят хорошего или нехорошего про яфетическую теорию, а самая ее внутренняя положительная работа, ее успехи за эти три года, притом сейчас только те, которые имеют прямое отношение или к общей постановке изучения чувашского языка или к детальным разъяснениям его материалов.

Несмотря на кажущуюся отдаленность от нашей темы двух печатающихся докладов, результатов заграничной поездки минувшей зимой, одного читанного в Сухуме, в Абхазии «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык»[1], другого в Тифлисе, в Грузии «Почему так трудно стать лингвистом теоретиком», и тот, и другой доклад имеют непосредственное отношение к вопросу, как надо ставить лингвистическое изучение чувашского языка и что надо преодолеть, если кто хочет разрабатывать чувашский как лингвист-теоретик, т. е. методом нового учения об языке. Это не так легко.

Настоящий наш доклад в своем построении также результат заграничной поездки и он органически связан с двумя названными, образуя с ними одну цельную триаду.

Заграничная поездка была предпринята в целях войти в непосредственное общение с африканскими языками, наметившишся как сочлены коллектива языков яфетической системы, и если не удалось осуществить это общение с языком дальней Африки, готтентотским или намайским на ее юге, то к ближнеафриканскому, именно берберскому языку, доступ был получен и вовлечение в яфетидологическую работу берберского языка имеет непосредственное отношение к общей постановке изучения чувашского языка, ибо берберский язык разъясняется как переживание одного из языков первоначального населения Средиземноморья, выходцем откуда намечен на известной ступени развития звуковой речи человечества турецкий язык в первичном его состоянии, как то мотивировано мною в работе «Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков»[2], напечатан-

[1] Изд Восточного Института имени А. С. Енукидзе. Лгр. 1928.

[2] Под Знаменем Марксизма, июнь 1927 г., № 6, стр. 18—60.

ной еще до отъезда за границу. Посему нас отнюдь не поразили такие факты, как то, что одно из древнейших в мире слов, именно название 'воды', в одной и той же усеченной форме, почти тождественной, оказалось в чувашском, турецком, мегрельском, чанском, абхазском, грузинском, берберском, с той разницей, что в чувашском шu и в тур. su означает имя 'вода', тогда как в мегрельском и чанском шu, в абх. ҕə (из ju), а в груз. и берб. одинаково su, это производный, как то указывает палеонтология речи, глагол 'пить' (повелительное наклонение)[1].

Суммируя, да еще кратко, мы можем сказать, что общая постановка изучения чувашского языка, как она была намечена три года тому назад, увязка его с языками различных систем, углубилась и уточнилась, и расширился путь, открытый еще тогда для специального освещения и разъяснения отдельных фактов и явлений чувашской речи. В результате получилось, что подлежит пересмотру изданная самими чувашами отдельной книжкой работа наша «Чуваши-яфетиды на Волге», в том смысле, что отстаиваемые в ней положения могут быть установлены более решительным средством и более четкими данными методом палеонтологического анализа.

Я уже не говорю о том, какой громадный сдвиг мог бы получиться, если бы в эту работу впряглись владеющие чувашским, вообще любым языком, как родным, тем более специалисты по материальному его знанию, мастера своего дела.

Разумеется, о таком сдвиге можно говорить при усвоении основного нерва новейших достижений теории, именно идеологической ее стороны, т. е. при подведении и под формальную ее сторону хозяйственно-общественного обоснования, тем более при потребном усвоении совершенно новой, соответственно разрабатываемой семантики, да еще палеонтологической, т. е. учения о значениях слов в разрезе обнажившихся пластов

---

[1] Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus (СГАИМК, II), стр. 374.

человеческой звуковой речи различных языкотворческих эпох, следовательно, различных ступеней стадиального развития.

До палеонтологии речи, как она сложилась теперь, в лингвистике нельзя было ничего ни утверждать, ни отрицать по самым основным вопросам. Например, слово заимствованное или коренное, конечно, решали, но решения эти теперь не имеют абсолютно никакого значения, поскольку вопрос о происхождении языка игнорировался, происхождение же слов определялось по формальным признакам, без увязки с историей материальной культуры, общественности и мировоззрений в их генетической последовательности и, естественно, без такой палеонтологии не было и не могло быть и представления о скрещенности всех языков, чтобы учесть не одно поверхностное взаимодействие наличных языков, а и глубокую захватывающую недра зависимость каждого языка от языка или языков предшествовавшего в стране населения. И это сказывается в чувашском даже на составлении словаря лучшими его знатоками. Возьмем, например, в чувашском глагол ӧəmər+δ-as. В словаре вы найдете значения — 'сжимать', 'тискать', 'округлить'. Мы этих значений отнюдь не отрицаем, но факт тот, что в основе глагола лежит имя существительное, но не одно в данном случае, а два различных имени существительных, одно, именно 'кулак', для глагола 'сжимать', 'тискать', а другое — 'круг' для глагола 'округлить'. И вот Paasonen, который, как будто, различает глаголы, поскольку ӧəmrδas 'округлять' и ӧəmərδas 'сжимать' помещает в двух различных гнездах, не представляя себе разницы 'кулака' и 'круга', их различного происхождения, имена-основы, однако, помещает в одном гнезде, и слово ӧəməг 'круглый' и слово ӧəməг 'кулак'[1]. И если включить сюда еще указание на существование разновидности şəməг у чувашей в значении 'круглого', то дальше идет лишь сопоставление чувашского с турецким и на этом кончается обследованность слова. Неизвестно даже то, откуда это слово:

---

[1] Ср. зыр. ӧaвыг 'кулак'.

может быть, кто-либо у кого-либо заимствовал? Между тем из палеонтологии речи известно, что по семантическому положению с 'кругом' или 'шаром' связано и название 'яйца'. И мне не надо подсказывать, что такое созвучное с ʂəmər, ϑəmər, ϑemərδa слово в значении 'яйца' по-чувашски действительно существует, и это созвучие совсем не случайное: это слово — ʂəmarδa, причем налицо и его закономерный эквивалент грузинский k+ver-ϑq̇. Но этого мало. Из палеонтологии речи, как установлено яфетической теориею, известно и то, что 'круг', равно 'шар' первоначально означались космически термином — 'небо'[1]. Отсюда тот факт, что ʂəmər, первично звучавший *ʂomor, по спирантной ветви имел разновидность komor, с аканием kamar, означавшую в яфетических языках не только 'арку', 'свод', в частности 'небесный свод' (груз., св.), но прямо таки 'небо'[2]. От языков яфетической системы, субстрата или подосновы всех языков Европы, слово это унаследовано и греческим, и латинским, отсюда фр. chambre 'комната', и русск. «комор», и, конечно, это одно из глубочайших недоразумений, когда русск. «комора» (уменьш. «коморка») славист провозглашает «очень древним заимствованием праславянского периода из греческого», где, между тем, для слова не существует абсолютно никакого специального индоевропейского объяснения. Но этого мало. Раз чув. ʂəmər 'круглый' когда-то означало 'небо', то теперь понятно, почему в чувашском это именно ʂəmər 'круглый' сохранилось без всякого изменения в одном из палеонтологиею речи установленных производных от его празначения 'небо' слов, именно 'дождь+вода': хорошо известно, что ʂəmər действительно означает 'дождь', и в диалектах отмечается и ʂumər, а если учесть огласовку второго элемента «а» происходящего также от 'неба' слова 'яйцо' — ʂemarδa, то есть железная закономерность и для слова 'дождь',

---

[1] Н. Марр, Из яфетических пережитков в русском языке. I. Мяч (ДАН, 1924), стр 65.

[2] Н. Марр, Quelques termes d'architecture, désignant 'voûte' ou 'arc' (ЯС, II), стр. 141 сл.

палеонтологически — 'небо + дождь', существовать рядом с ʂəmər и ʂumər, также разновидности *ʂumar, а это значит, что:

1) поскольку некогда это слово в разновидности *ʂumar означало 'небо', мы получаем новое подкрепление, что чуваши не случайно носят свое племенное название ʂəvaш (↙ ʂuvaш), некогда звучавшее и suvar, равно subar, ибо *ʂumar лишь их разновидность[1];

2) по взаимоотношениям с другими народами этот закономерно установленный в значении 'дождя' первообраз *ʂumar, наличный в ряде слов, как то ʂəmər ∽ [h]əmər 'пасмурный', əmər-t 'огромный', 'сильный' [← 'небесный'], əmər-t kayək ['птица небо' → ] 'орел', вводит, как племенное название (см. п. 1), в определенный круг этнических образований, первично — производственно-социальных.

По другому, более сложному, положению палеонтологии речи 'круг', т. е. всякий предмет округлости, будь это 'колесо', 'яйцо' или 'арка' и 'свод' обозначался словом, означавшим 'небо'. По-вотски 'яйцо' puz, и как будто им изолирован вотский от всего мира; по-вотски 'погода'—kwaz и им изолирован вотский от всего мира. Между тем 'погода' по палеонтологии речи, как сказано, это 'небо', т. е. kwaz первоначально означало 'небо', следовательно, могло означать и 'яйцо', и, действительно, его двойники kwad значат 'шулятное *яйцо*' в языках той группы на Кавказе, мегрельском (ɾvad) и чанском (kvad, ср. kvad 'жеребец'), которые одного социально-фонетического типа с вотским по его древне-родовому слою; но 'небо' по-вотски сейчас in, у предков же вотяков именовалось и означающим теперь 'бога' скрещенным термином in-mar, т. е. 'яйцо' могло бы обозначаться и словом mar, и, действительно, mar означает 'яйцо' у чувашей в составе двухэлементного слова sə + mar, снабженного уменьшительным окончанием -ta — ʂə + mar-ta 'яйцо', букв. 'небесенок' или 'солнце', 'шар'. Без уменьшительного признака ʂə-mar, означавшее 'небо', есть разновидность вотского k-waz, также означавшего 'небо', откуда ныне его

[1] Н. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 50 сл.

значение 'погода'. Следовательно, выходит, что вот. puz имеет двойника, наличного не только в составе k-waz̧, но и самостоятельно в различных языках Кавказа в соответственном значении, и это именно mar, означавшее не только 'небо', но и 'яйцо', что̀ сохранили чуваши. Но этого мало, вт. kwaz̧ 'погода', некогда 'небо', в мегрельском ɾvad̯ и чанском k-vad̯, означавшее 'шулятное яйцо', в грузинском имеет разновидность k̇-ver с уменьшительным окончанием -ϑ̇q̇, как -ta (→ δa) в чув. ʂə-mar-δa, — k̇-ver-ϑ̇q̇ 'яйцо', и именно двойник этого грузинского слова мы имеем у финнов-суоми со специальным значением анатомического яйца в ki + ve-ks + et.

Таким образом, раньше не было возможности учесть вклад этого субстрата, т. е. подосновы, в ныне соседящие языки, независимо от взаимного их влияния. Посему все почтенные работы о древних заимствованиях из финского в чувашский или из чувашского в финский, равно о русских заимствованиях или из русского и т. п. оказались никудышными, они все подлежат коренному пересмотру.

С обычным хозяйственным термином uraβa 'арба' чуваши, казалось бы, увязаны лишь с турками, и в самом деле достаточно лишь знать, что по-турецки то же слово звучит araba, чтобы их сопоставить, отожествить, и на этом основании говорить не только о родстве этих двух языков, об исключительной их близости. Однако, новое учение об языке этим никак не может удовольствоваться. Во-первых, формально возникает вопрос, почему при закономерном в первом слоге взаимоотношении губного гласного u ⟷ o (это безразлично) чувашского слова uraβa ⟷ oraβa с аканием турецкого araba, далее мы имеем в обеих разновидностях, и в чувашской, и в турецкой, одинаково «a»? Одно формальное указание на неизменяемость огласовки именно во второй части ничего не разъясняет, не говоря о том, что в иных случаях и во второй части чувашская разновидность выявляет ту же губную огласовку o ⟷ u или ее ослабление ə ⟷ ы против турецкого акания. Но стоит перенести чувашское слово

на почву звуковых взаимоотношений яфетических языков, признав в нем, как это надлежит для основного слоя чувашского языка, разновидность шипящей группы, т. е. мегрельского и чанского (сюда относится и скифский), как для свистящей группы, в частности грузинского, обязательным является разновидность *uremen, что̀ и имеем в наличном у грузин родном их усеченном слове urem, означающем также 'арбу', 'телегу'[1], т. е. выявляется совершенно наглядно закономерность этого звукового по огласовке оформления чувашского слова по социальному взаимоотношению, совершенно независимому от турецкого языка.

Но этого мало. Далее идет идеологический анализ слова с учетом палеонтологии речи, по которой, во-первых, 'телега', 'колесо', 'круг' и их синонимы носили при полисемантизме речи название общее с названием 'неба', и, во-вторых, 'небо' и 'время' в то же время обозначались одним словом, и тогда, думаю, вы сами могли бы подсказать, что груз. слово urem 'телега', собственно его не усеченный вид *uremen, обозначавший первично не только 'телегу', но и 'небо', равно 'время', в последнем именно значении пережило в русском слове «время», «времени», равно в украинском «уремня», resp. «уремя» 'час'.

Но этого мало. И чув. ura$\beta$a, и груз. urem анализируются далее по формальной палеонтологии, как слова, скрещенные из двух элементов, каждый из которых, т. е. и ur и ba || me, без усечения bal || mer, resp. men, одновременно должны иметь те же указанные значения, и это могло бы быть на ступени стадиального развития моносиллабической, т. е. когда слова были еще все односложны, однако, до вскрытия такого именно положения в фактах, необходимо ориентироваться в семантических возможностях того же термина, идя с эпохи определенной ступени стадиального развития от конкретных представлений к отвлеченным и общим. Вообще все слова не материального или не конкретного

[1] Н. Марр, Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам (ИАН, 1925), стр. 960; его же, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории, стр. 34.

порядка, т. е. все слова надстроечного мира, в том числе и нравственного, относятся также к достижениям позднейшей стадии речевой культуры, и вот палеонтология речи устанавливает первичные их материальные значения. И в отношении чувашского остается лишь наблюдать, как факты этого общего положения находят свое оправдание, служа в то же время уяснению степени подлинных связей этого языка с другими, различных на различных стадиях развития звуковой речи.

Не менее существенную поправку внесла палеонтология речи в топонимику, именно в названия населенных пунктов, гор, рек, озер, морей, да и неразлучных с ними племенных названий, т. е. в важнейший текст, в подлинно-первичных частях превосходящий древностью самые древние в мире письменности, а по значению его, как современника мировоззрений человечества на древнейших ступенях его развития, да притом современника, говорящего языком тех эпох, этот текст не имеет ничего себе равного ни в каких других памятниках ни речевой, ни материальной культуры. Палеонтология речи в этой работе сама развилась в такой степени, что эти материалы, казалось, лишь этнологические (правильнее — социологические), одних до-исторических времен, ныне распределяются по эпохам, одни — древнейшим, другие — близким к нам. Так два названия, интересные для истории чувашского края, одно название самих чуваш, другое — интересное для чувашеведа по связи с булгарами, это название хазарского города Саркел. Мы сейчас не будем останавливаться на его толковании, имеющем значение для уразумения названий целого ряда приволжских городов, как Саркел, город сравнительно позднего исторического времени. Мы вносим его толкование в работу «Топонимика Волги и Приволжья», но можем поделиться фактом, что смысл его определился окончательно.

Совершенно иной давности национальное ныне название чуваш. Это одно из древнейших т. н. племенных названий. В средние века это название звучало и как suvar[1]. Указывая его раз-

[1] Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 70—71.

новидности, в том числе шиβаш, наличную в основе национального названия родного чувашам Шиβашkar (Чебоксар), столицы Чувашской республики, мы с другой стороны в перечне не упоминали разновидности subar, ныне наличной лишь в качестве названия деревни Subar, да не одной, а трех, через одну из которых Ядринского у., как отмечал еще в 1912 г. проф. Ашмарин, в направлении от села Богатырева перерезыванием реки Большой Цивиль и далее по границе Цивильского и Ядринского уездов идет до с. Ямашево (θarpuş) межа, отделяющая anatrı или malyenǰı 'низовых чувашей' от vır-yal 'верхних'. Мы в свое время доказывали и остаемся на том же, что название ǰuvaш (↘ чув. ǰəvaш)—разновидность названия древнейшего народа Месопотамии, шумеров. Доказывали в связи с общностью слов чувашского с шумерским. Ныне вопрос встал о субарах, выдвигаемых ленинградским яфетидологом И. И. Мещаниновым, специалистом по эламским древностям и ванской клинописи, в его труде «Халдоведедение»[1], где разъясняется историческая роль субаров в полосе между Ассиро-Вавилониею и Ванским царством, позднее Арменией, а венский яфетидолог Блейхштейнер в специальном исследовании об этом же народе доказывает весьма основательно[2], что субары и шумеры одно и то же. И вот связь шумеров-субаров месопотамо-армянского юга с субаро-суваро-чувашами и их соседями Приволожья явно не до-историческая, а исторических времен, хотя и древних и основательно забытых. Волжский путь, хорошо использованный позднее персами Ирана и арабами, был продолжен, как нам приходилось высказываться[3], более древними, чем персы, обитателями Ирана, отложившими свою речь с поразительной яркостью, как будет

---

[1] Изд. Об-ва изучения и обследования Азербайджана. Баку 1927.

[2] Die Subaräer des alten Orients im Lichte der Japhetitenforschung. Publication d'hommage offerte à P. W. Schmidt, pp. 1—19. Wien, 1928.

[3] Н. Марр, По поводу русского слова «сало» в описании хазарской трапезы VII века» (ТРКФ, I, стр. 107 сл); его же, Из переживаний до-исторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике, стр. 20 сл.. Чебоксары 1926.

показано, в приволжских языках того района. Все как будто в порядке.

Но нет. Палеонтология речи не позволяет так легко успокаиваться на кажущихся достижениях. Откуда известно, что чуваши по праву носят свое нынешнее название? В какой степени это название покрывает всю сумму составных частей, из которых сформирован чувашский язык, всю сложность производственно-социальных группировок, из каких составилось племенное образование, ныне носящее название чувашей?

Дело в том, что по яфетической теории нет ни одного языка, ни одного народа, ни одного племени (и при возникновении их не было) простого, не мешанного или, по нашей терминологии, не скрещенного. И человеческая общественность, в отличие от звериной, начинается объединением не по кровному признаку, а по интересам оборонительно-хозяйственным, производственно-хозяйственным[1]. Звуковая речь сложилась ведь по возникновении и значительном развитии производства. И название, ныне и с давних исторических эпох носимое тем или иным народом, есть наименование всегда одной из производственно-социальных группировок, вошедших в состав коллектива, лишь позднее выступавшего как племенное образование на крови, когда соответственная группа своей руководящей активностью приобщала все сложное уже образование своему имени, собственно своему групповому тотему. Таким образом, у чувашей в целом, как у каждого народа, настоящее название, так то древнейшее, одно из поздних его наименований, оно же наименование одной лишь социальной группировки, входившей к тому же не в это лишь племенное образование, которое теперь носит такое имя, но и в другие, и в то же время на различных ступенях развития человеческой общественности одно и то же название вовсе не предполагает единства племенного типа, единства, в частности, системы языка, которое может подразумеваться под тем или иным названием,

[1] Н. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, стр. 1 сл.

т. е. взрывается, давно уже взрыто ни на чем не основанное учение о существовании не увязанных друг с другом семей языков. Это азбука яфетической теории по подходу к этнологическим проблемам. И когда ставится вопрос о степени не случайности их ныне национального наименования или принадлежности его чувашам, то на почве изучения языка это расшифровывается конкретно так: есть ли в чувашском языке признаки того, что в состав этого народа когда-то, действительно, вошла социальная группировка с тотемным названием чуваш или с его какой-либо закономерной разновидностью? И мы отвечаем: есть, ибо узнается это по наличию этого термина в словах, означающих предметы необходимости древнейшей общественно-хозяйственной среды, они же выделившиеся из трудмагических символов магические символы для первобытного человечества 'солнце', 'год', 'луна', 'месяц', 'огонь', 'вода', впоследствии ее продукции — 'дуб', 'хлеб' и их служитель 'жрец', 'знахарь'. Ибо известно, что при первобытном мышлении 'жрец' представлялся олицетворением божества, тогда еще лишь тотема, по которому звалось племя, изрекателем его воли и постольку не только предсказателем, но и творцом слова, 'поэтом', да и само слово в представлении тех эпох не было тем, чем оно теперь и с давних пор является в обиходном употреблении,—средством взаимного общения, оно было орудием магического воздействия. Между прочим, чувашское название знахаря, yomәz или yumәz (разновидность вотск. aʙыz) оказалось разновидностью племенного названия чуваш — suʙar или шuβаш или ϕәvаш, suvas и т. д.[1]

По созвучию yumәz кажется более близким с чув. yumaχ 'сказка'. Мы этого не только не отрицаем, но под чисто формальное сближение подводим, уже подвели идеологическое обоснование, ибо на соответственной ступени развития общественности 'знахарь', 'чародей' были 'сказителями', 'поэтами', сама 'сказка', как 'поэзия', считалась 'колдовством', 'чарами'; 'петь' и 'колдо-

[1] Н. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 50—53.

вать' значило одно и то же [1], и в чувашском термине yomǝz мы имеем не только 'знахаря', но и 'поэта', мы в нем имеем переживание до-индоевропейского средиземноморского слова γomer, сохраненного греками по недоразумению в качестве личного имени поэта (Ὅμηρος) [2], и слово это означало не только 'чародея', 'мага', 'поэта' определенной социальной группировки, именно шумеро-кимеро-иберской, но, естественно, также орудие их воздействия, как бы 'заклинания', с позднейшим их обиходным значением то 'сказки', по-чувашски yuma$\chi$, то просто 'слова', 'речи', по-чувашски sǝma$\chi$ (✓ suma$\chi$).

Вотск. 'говорить' — muy легко сопоставить с черем. шау 'слово', но с чув. sǝma$\chi$ 'слово', предполагается, у него нет никакой связи. На самом деле, анализ по элементам вскрывает, что чув. слово sǝma$\chi$ — двухэлементное скрещение, позднейшее образование из su и ma$\chi$, означавших первоначально каждый то же самое, так же как в вотск. muẓem 'земля' мы имеем скрещение родного mu 'земля' с русск. zem 'земля' [3]. И первая часть термина su' слово', первично шu, целиком воспроизводит вотское шu⌜у⌝, означавшее 'слово' и затем 'говорить' — шu⌜у⌝ыпы.

Для этой же цели использовались и скрещенные двухэлементные слова, так, напр., в марийском шауа значит 'речь', 'молва' и 'обман', 'ложный слух'. То же самое мы наблюдаем в таком культурном яфетическом языке, как грузинский, с основой tku: ı-tku-ıs (ıtkws) 'говорит' и tku-ıs 'лжет'; основе шау этого марийского слова с двумя значениями в чувашском соответствует разновидность с губной огласовкой — suy, но в чувашском языке этот случай многозначимости устранен использованием двухэлементного образования sǝ-ma$\chi$ (из su-ma$\chi$, первично *suy-maq) в значении 'слова', 'речи' и с сохранением одноэлементного suy для

---

[1] Н. Марр, Заметки и извлечения из армянских рукописей (ЗВО, V), стр. 216 прим. 3.

[2] Н. Марр, К толкованию имени Гомер (ДАН, 1924), стр. 2—5.

[3] Н. Марр, Яфетическая теория (Баку 1928), стр. 120.

обозначения глагола 'лгать' — suy-as, имени 'ложь', 'вранье', 'тщета' — suy-a и т. п.

От таких скрещенных образований, соединений однозначущих слов двух, а иногда и трех различных социальных групп, отличаются образования с повторением одного элемента, как в племенном названии африканского народа ber-ber, напр., вотск. mu-mы 'мать', из mu-mu, no-nы 'груди женщины', первоначально 'женщина-мать', из no-nu и т. п. Это древнейшие в звуковой речи человечества формы образования.

Наоборот, уже к позднейшим эпохам относятся такие составные слова как вотск. kышno murt 'женщина'. Я имею в виду в этом сложном термине не murt 'человек', а слово kышno, которое сейчас понимается в значении 'жены'. Kышno — составное слово и значило 'женщина', букв. 'человек-женщина', собственно 'человек-самка', оно составлено из kыш 'человек', общего у вотского ныне с определенной группой яфетических языков Кавказа, мегрельского и чанского (koϑ ↘ *kош ↘ kəш, resp. kыш) и с баскским в Пиренеях, а вторая часть nы из nu ⟷ no, разновидность не только венг. no 'женщина', но баскского ne- (в составе ne-ɯka 'девушка', букв. 'женщина-дитя').

А как же в таком случае 'бог' по-чувашски теперь гласит tor-ə ⟷ tur-ə? Ведь он является тотемом иной социальной группировки, впоследствии племени — скифского. Дело опять таки в том, что любой род, любое племя есть скрещение ряда производственно-социальных группировок, отлагавших в нем каждая свой тотем, впоследствии божество. Не только у чувашей и у соседящих народов, равно северных приморских финнов, но и на юге у грузин и других народов с языками яфетической системы, да и на западе мы наблюдаем встречи тех же божеств, некогда тотемов, кимерского и скифского, и застаем эти термины как отложения различных ступеней стадиального развития общественного строя. Так чув. turə это общее понятие 'бог', да мужского рода, порождение позднейшего строя — патриархального; а полный его вид Tur-an еще женское божество этрусcков, аборигенов Италии,

богиня любви, Афродита, так называемая Афродита небесная (οὐρανίη), порождение более древнего строя — матриархального; еще ступень более глубокого стадиального развития того же термина, когда в общественности с соотвественным космическим мировоззрением, без всякой антропоморфизации, turan означало 'небо', и отложение одной из его разновидностей uran сохранили нам греки в их слове οὐρανός 'небо'[1]. У термина прослеживается еще более древняя ступень развития не только идеологически, но и формально, так слово это скрещенное, состоит из двух частей tur, ге-р. ur и an и до объединения соответственных социальных группировок каждая часть служила самостоятельно словом, означающим 'небо', и показания этого состояния мы находим в соответственных пережиточных слоях чувашского, да и в ряде других языков.

Если у зырян в значении 'бога' ныне имеем термин yen, а не скифский тотем, то это свидетельствует лишь о том, что зыряне дошли до нас после главенства другой социальной группировки, не скифской, и потому с тотемом лишь yen, да кроме того, в названии 'бога', которое всегда восходит к 'небу', у них успел уже присоединиться тотем третьей социальной группировки, ej, почему 'небо' по-зырянски — yen-ej. У вотяков или удмуртов общим с зырянами был последний господствующий класс, с общим тотемом — in 'небо', наличным и в названии вотского 'бога', но с придачею тотема другой социальной группировки, уже четвертой — марийской, почему бог по-вотски in-mar. И это общее у зырян и вотяков господствующее сословие, хотя и позднейшее, уже не скифское, однако, одного времени с тем господствующим сословием в Месопотамии, которое одному из древнейших в мире письменных народов, шумерам, завещало письменность со своим тотемом an, разновидностью того же зыряно-вотского yen ⟷ in, причем еще до-шумерское an 'небо' также сохранилось в вотской живой речи, но исключительно в смысле 'нёба'. Вот какие глубины

[1] Н Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. Лошадь и Тризна (Лен. 1924), стр. 39; его же, Иштарь (ЯС, V), стр. 123.

вскрываются по культурным связям у вотяков, да и зырян с древнейшими письменно-просвещенными народами человечества, жившими в Месопотамии и ее окружении, еще до-семитическими, а ученые предполагают общие связи с этими краями разъяснить, точно от основоположников, от иранцев-персов, которых тогда и не было еще в мире.

Ведь и формальный прием нового учения об языке по опознаванию слов совершенно иной. Он напоминает химическое разложение, напр., воды, на составные творчески значимые элементы. В звуковой речи также эти элементы были значимые величины, а не механически вскрываемые отдельные звуки. В языке имеются всего на всего четыре элемента, обозначаемые заглавными латинскими буквами A, B, C, D. О среде возникновения их в процессе труд-магического действа с пением, пляской и музыкой, можно осведомиться в работе «Яфетическая теория»[1]. Все слова всех языков составлены из этих четырех элементов. Одно время эти элементы, каждый в отдельности, был уже отличительным звуковым комплексом того или иного коллектива, той или иной социальной группировки, лишь впоследствии племенного образования, когда тотем становился уже божеством.

Естественно, без идеологического обоснования, увязанного с производством, общественностью и ее мировоззрением на той или иной ступени развития, анализ по четырем элементам способен был бы завести в такие же дебри, в какие завело старое учение об языке с его голым формальным методом.

А звуковые законы?.. Да разве мы их отбрасываем? Абсолютно нет. Когда рядом с термином subar, племенным названием чувашей, и səmaχ (✓ *sumaχ) 'слово', 'речь' мы выставляем происшедшие от них разновидности — yumaχ 'сказка' и yumǝz 'знахарь', то это происходит лишь с учетом так называемого звукового закона, перебоя свистящего s в спирантный (h→γ‖ƒ→) y. Новое учение об языке, яфетическая теория, не отбрасывает

[1] Стр. 99 сл.

звуковых законов, а разъясняет. А это что значит? А это значит то, что звуковые законы, во-первых, законы не физиологические, а социальные, и, как таковые, они возникли лишь на определенной ступени развития звуковой речи, именно на той ступени развития, когда надстроечный мир, мир отвлеченных представлений и отвлеченных понятий, так оторвался в господствующем классовом сознании от реального материального мира, что их взаимоотношения стали выражаться техникой отвлеченного порядка, сначала символикой окончаний или представок, суффиксов и префиксов, выработанных из цельных слов и успевших, однако, утратить свое присущее им раньше материальное значение, а затем символикой отдельных звуков такого же происхождения.

Но и по возникновении звуковых соответствий в языках различных социальных групп строгая система вовсе не устанавливалась сразу, звуковые соответствия вовсе не становятся такими закономерными явлениями, и, когда они становятся такими закономерными явлениями, то, как выявляет палеонтология речи, примеры такой закономерности охватывают лишь определенный круг слов, вне которого тот же закон абсолютно не обнаруживает себя ничем. Да и тот круг слов, где имеет силу наблюденный фонетический закон, определяется в нормативной своей части вовсе не физиологическими данными говорящего, а, во-первых, дифференциацией понятий, составляющих содержание слов, и разновидностью своего звукового выявления устанавливающих принадлежность к определенной социальной группе, да лишь еще на определенной ступени стадиального развития, во-вторых, звукосоответствиями различных племен одного общественного круга, представляющими в дальнейшем развитии согласованные звуковые соответствия (корреспонденции), порождение производственного процесса объединявшихся в нем первичных руководящих хозяйственных коллективов человечества. Неправда ли, все это очень сложно? И, конечно, легче цепляться за простые детски-наивные построения, своего рода арифметические действия, притом

основанные на учете одних формальных признаков. В результате? Мы не будем говорить о результате для общего учения об языке. Это известно теперь каждому младенцу языковедной специальности. Но не можем не остановиться на бедствии, возникающем в особо сильной степени для языков той системы, к которой принадлежит чувашский язык. Чувашский язык принадлежит к той ступени стадиального развития, на которой звуковые законы не получили еще даже стабилизации, свойственной хотя бы турецкому, отсюда целый ряд недоумений у специалистов старой лингвистической школы: им такое состояние звуковой системы, совершенно правильное на определенной стадии развития, представляется чем-то ненормальным и смущающим. И это вполне естественно, так как у этих так называемых лингвистов в распоряжении нет ничего материалистически-идеологического, увязывающего жизнь языка органически с общественностью и ее экономической базой, чтобы помочь изменяющим формальным признакам и проистекающей отсюда хрупкости навязываемых чувашскому законов учетом закономерностей идеологической истории языка в зависимости от материальной базы и обоснованной на них палеонтологии речи.

Фонетическая техника по яфетической теории несколько сложнее, чем то, что дала и способна дать индоевропейская лингвистика, ибо ею учитываются не взаимоотношения лишь стабилизованных звуков исторических эпох, а соотношения простых позднейших звуков и предшествовавших им видов в недифференцированном диффузном еще состоянии, пережившим в языках архаичной яфетической системы в виде групповых комплексов ȣq̇, ďğ, ťk и т. п. В чувашском мы имеем пережитки диффузных звуков только в двух случаях, это в ş и ȣ, а обычно в нем простые звуки, как в языках позднейших систем, турецких, финских, да так называемых индоевропейских. Так в чувашском — простой зубной звук t, когда его диффузный прототип в грузинском — ȣq̇, напр., в слове чувашском, марийском tavar, русск. «товар»[1],

[1] Н. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 68.

которое, означая первоначально 'скот', считают древним заимствованием из турецкого, потому же думают, что в русском—«о» позднейшее искажение, и все это глубочайшее недоразумение, как и то, что слово «товарищ» толкуется (еще хуже) на русской почве, как 'член обоза', 'сообозник'[1].

Слово это не только предшествует русскому представлению об обозе, но и образованию русского, да и турецкого, равно угрофинских языков, ему десяток тысяч лет, и в яфетических языках его мы имеем в более древнем виде ȣqovar (первично *ȣqo-var из шипящей группы) в значении также 'животного', *овцы' в одной группе, и в закономерных соответствиях другой группы—ȣqo-vel в значении 'животного', и третьей группы tkems '*овца', сохранившееся как основа груз. m-tke+ms 'пастух', буквально 'овечник', откуда mtksa 'пасти'; однако, и эти значения отнюдь не первоначальны, как не первоначально значение 'товара', да, разумеется, не 'богатство', вообще и не 'золото', каковые значения это слово имеет на европейском западе (лат. aurum, чит. a+wr-um)[2] вместе со значением 'овцы', 'животного', 'имущества' (бск. a+ber-e)[3].

Если же в чувашском слове tavar не сохранилось даже в сравнительно древнем значении 'животного', 'скота', 'стада', 'овцы', то это потому, что его вытеснило слово другой социальной группировки, впоследствии племени и нации, скифской или сколотской, наличное на востоке и в значении 'золота': это само слово русское «золото», да его спирантные разновидности—суоми kulta←*kultan (в русских летописях раз kolot, откуда нем. gold←kolt, см. ниже), чув. əltan из *ultan, тур. altun, и в значении 'скота', 'стада'—груз. kolt 'стадо', арм. koyt, 'стадо', 'куча', чув. kĕtü 'стадо' и kĕtes 'пасти', марийское kĕto, равно kütö 'стадо' и kĕt-äш 'пасти', и в звуковом отно-

---

[1] И. И Огиенко, Иноземные элементы. Киев, 1915, стр. 16.

[2] О среднем роде речь будет особо.

[3] Н. Марр, Скифский язык, стр. 347; его же, О числительных (к постановке генетического вопроса), стр 78.

шении любопытно, что переживание дуффузного звука в виде ṫk, ∂q̇, присущее грузинскому, у этого слова отсутствует во всех перечисленных языках, нет его даже в грузинском, языке яфетической системы, но был он в виде слабой ступени sk в названии скифов, sku-∂a и skol-ot, откуда у русских оно, в редуцированной разновидности sko-t, означало не только 'скот', как г. kol-t и арм. koy-t 'стадо', но и 'имущество', 'деньги', как финск. kul-ta 'золото', нем. gold.

Но русское «товарищ», так явно созвучное с «товаром» на самом деле идеологически не имеет ничего общего ни со 'скотом', ни с 'товаром', ни с 'обозом'; так можно рассуждать только при отсутствии метода, или когда располагают одним формальным методом, без палеонтологии речи, ибо палеонтология речи вскрывает, что 'брат', 'товарищ', 'друг', 'сосед', как и 'человек', значили первоначально 'один из коллектива', впоследствии 'один из племени', и слово tovar, будучи племенным названием, первично тотемом определенной социальной группировки, ныне прослеживается в различных видах на пространстве от Японии до Берберии, в Африке, в значении 'брата', 'товарища', 'друга' и т. д., и т. д., а само основное значение термина to-var—коллективи- стическое по первичной социальной группировке, впоследствии племенное, нас опять приводит к необходимости признать в нем разновидность нынешнего национального названия чувашей — ∂ə-ваш.

Ведь без немедленного сейчас же использования уже правильно нащупанных и прочно установленных положений идеологического порядка нельзя ничего понять в самом существе строя чувашской речи, в том, что составляет ее именно основу.

Наоборот, с усвоением этих положений нового учения об языке, при знании родной речи, любой, не только чувашской, перед нами открываются поразительные реальные перспективы, опирающиеся на ее материалах и вглубь времен, и вширь, и горизонт вашего мировоззрения заставляет вас выходить из узко национального мира, а когда речь о чувашском, из заколдованной традиционной турецко-чувашской изоляции, хотя бы угрофинско-

турецко-монгольской, в мир широких международных хозяйственно-культурных взаимоотношений, вклада былых производственно-социальных группировок

По палеонтологии речи глагол 'находить' есть дальнейшее развитие глагола 'видеть', в языках яфетической системы 'видеть' и 'находить' выражаются одним словом, а 'видеть' в свою очередь происходит от имени 'глаз'. Основа чувашского глагола 'находит' tuβ-as ⟷ toβ-as, это tuβ ⟷ toβ, усеченный вид двухэлементного слова t°/ц-bal, которое сохранено в грузинском в виде ɜo-wal в значении 'глаза', в усечении ɜo-w-, основа арм. ɜiw 'число', родит. ɜo+w-oy, ибо счет велся по месяцу-луне, светилу, по которому наречен был 'глаз'.

Но второй элемент этого слова bal или pal, с усечением плавного l, входит в состав также двухэлементного слова в турецком с аканием ba+k ⟶ ba+q̇ 'видеть', в чувашском с оканием, в ослаблении — pəχ (pəχ-as) 'смотреть' и с эканием. Сначала повторим, что 'видеть', 'смотреть' происходят от имени 'глаз', и вот с эканием begi значит 'глаз' по-баскски. Но этого мало. Тут везде имеем скрещенные слова и в значении глагола 'смотреть', 'видеть', 'находить' и в значении имени 'глаз', но элемент ba, полная форма — bal и т. д., имеется самостоятельно в значении 'видеть' у абхазов, с яфетическим языком древнейшей системы, в виде ba или bə (основы глагола a-ba-rà ‖ [*a-bo-rà ↘] a-bə-rà 'видеть') и у коптов bal 'глаз' [1].

И, наоборот, в чувашском kuş значит 'глаз', как и его турецкий эквивалент göz, но именно чувашская разновидность kuş служит основой баскского глагола 'видеть' i-kus-i, тогда как в самом чувашском то же слово в разновидности kur, эквиваленте тур. göz, служит основой глагола 'видеть', и именно чув. kur в живой речи грузинского языка означает 'глаз' в составе kur-ɜq̇al 'слеза', букв. 'вода (ɜq̇al) глаза' (kur) [2].

[1] Н. Марр, Китайский язык и палеонтология речи. I. 'Глаза' и 'слезы' (ДАН, 1926), стр. 193—196.

[2] Н. Марр, Чуваши-яфетиды, стр. 14.

Мы лишь для иллюстрации простых случаев, наглядных и на примере отдельных слов, выделили эти термины в одиночестве, на самом деле каждый из них имеет особое гнездо, образующее пучек одновременных значений до-исторических эпох и существовавшее везде при особом мифологическом мышлении человечества, или в другом разрезе одно и то же слово имело по смене функции обозначаемого им предмета, следовательно, на различных стадиях развития хозяйства, различные, для современного мышления также необъединимые значения.

Напр., один из семантических пучков эпох мифологического или, по терминологии французского этнолога Levy-Bruhl, дологического мышления это, когда слово имеет три следующих значения — 'рука + женщина + вода', и когда у шумеров ши, как у мариев шо ⟷ ши означало 'руку' (от 'руки' произведен с помощью суффикса кш 'рукав', звучащий по-марийски шо-кш), а появление того же ши в основе грузинского глагола шиа 'родила' объясняется наличием некогда имени ши со значением 'женщины', 'матери', 'самки'[1], то это выявляет с ясностью очевидного факта, что один слой, общий здравствующим теперь мариям или черемисам, чувашам, грузинам и исчезнувшим шумерам, на соотвественной степени стадиального развития речи располагал полисемантичным словом ши о трех значениях — 'руки + женщины + воды'. Лишь краткость времени мешает иллюстрировать соответственными фактами, что этот общий слой той же эпохи присущ еще многим языкам, в числе их баскскому.

Из другого круга многозначимости, именно, когда одно слово означало 'небо' и в линии ассоциации по форме 'яйцо', 'шар', 'круг', 'круглый', 'арка', 'свод', но раз 'небо', то по производству 'дождь', и я беру соответственное чувашское слово ʂəmər, в архетипе *so-mor ⟷ || *sumar, разновидность названия чувашей subar, шиβаш, ʂəvaш, ибо народы на известной ступени ста-

[1] Ср. груз. ɖu 'самка'.

диального развития человечества назывались 'детьми неба'[1], и беру я слово в его значении 'дождя', в каком смысле это чувашское слово имеет ближайше увязанную с ним разновидность в г. tu-ma (→tw-ma, нар. tvi-mo) 'дождь', и далее факт, не менее поучительный — груз. tu-ma, как чув. şə-mar, скрещенный термин, составленный из двух элементов, означающих каждый одинаково 'воду', из них т. su, чув. и мегр. ши, прослеживается, как мы видели, на пространстве от Средней Азии и до Берберии; таково же значение слова ma, не менее распространенного в названиях рек в значении 'воды' и 'реки'[2], и вот представляет не меньший интерес, что в таком архаическом космическом термине, у хлебопашцев, естественно, учитываемом культово-бережно и переживаемом архаически, чувашский земледельческий народ, сходясь с грузинским земледельческим народом, оказывается разошедшимся с турецким, где 'дождь' yağmur. А почему так? И откуда такая разновидность? Яфетическая теория и это, казалось бы, странное явление разъясняет, вплоть от зарождения термина. Однако, мы вовсе не думаем излагать здесь подробности истории хотя бы одного лишь частью разобранного слова. Мы хотели лишь показать хотя бы на одном примере, в какой поразительной мере в словах бесспорно одного происхождения колеблются формальные их звуковые признаки, и гласные, и согласные, как во взаимоотношениях различных языков, даже в такой облюбованной формалистами-языковедами паре будто исключительно родственных друг с другом языков, как чувашский и турецкий. Эти, казалось, ненормальные звуковые изменения на самом деле вызывались необходимостью пособить одному горю на первичных этапах развития звуковой речи, именно многозначимости слов, полисемантизму, чтобы усовершен-

---

[1] Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий (ИАН, 1926), стр. 690; его же, Скифский язык, стр. 384.

[2] Н. Марр, К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории (ИАН, 1926), стр. 349—354.

ствовать орудие социального общения, и чтобы для каждого понятия, хотя бы для каждого рода понятий, иметь по возможности отдельное слово.

Имеем десятки, сотни других случаев, в которых противоядием многозначимости слов используется изменение одного лишь звука.

Так, по одному положению палеонтологии речи глагол 'делать', как и 'бросать', 'пускать', 'отпускать' происходит от слова 'рука'. Было слово leę, означавшее 'руку', но глухой свистящий звук ę слова leę в производных от него глаголах у «пра-вотков», собственно одного из производственно-социальных слоев, отложившихся в вотках, заменяется звонким ẓ в значении 'отпускать' — leẓ-ыпы и так и представлен палатальным ę в значении 'делать' — leę-tьыпы, и это все по требованию бо̀льшего уточнения речи в удовлетворение общественных идеологических запросов, а не в силу каких то так называемых законов фонетики, будто физиологически возникающих. Пример этот, однако, из слоя от социальной группировки с эканием. Основным слоем в чувашском представляется отложение социальной группирови с губной огласовкой (о ⟷ u).

Вотский сохранил его употребление в смысле 'стороны', 'края'—dur, как и зырянский—dor, но первичное его значение 'рука', и с таким значением dor является позднейшим упрощенным видом *d̨or, закономерной разновидностью г. ďal 'рука', и опять таки по мегрело-чанскому или скифскому социально-звуковому оформлению.

Обычно функциональное значение слов, как предметов, или в роли частиц служебного порядка — службы связи, переживает основное функциональное развитие значимости слов и меняет коренной, казалось бы, смысл слова. Так, я недавно слышал фразу: «когда в конку впрягали лошадей», т. е. «конка» используется в значении 'трамвая'; забыто, что слово «конка» предполагает средство передвижения с помощью 'коней', 'лошадей', и оно перенесено на 'трамвай', заменивший по функции 'конку'.

В первобытном хозяйстве так называемых до-исторических эпох сменявшие друг друга животные передвижения —'олень', 'собака', 'лошадь' и др.[1]

По этой функциональной семантике интересен случай перехода названия 'собаки' на 'лошадь' по смене в хозяйстве 'собаки' 'лошадью'. В числе слов, означающих 'лошадь', в чувашском имеем ut, закономерное с губной огласовкой соответствие т. at; приходится отказаться от мысли, что слово утратило плавный звук в начале, причем полный вид слова требует восстановления начального слабого согласного, в чувашском *yut, разновидность которого с ослаблением о←→u, но с сохранением огласовки второго элемента, представляет в чувашском же yətə (↙ yutə), что̀ значит еще 'собаку', т. е. сохранило значение стадиального развития еще с 'собакой' в основе хозяйственной жизни.

А как обстоит дело в вотском? Казалось бы, лишь татарско-чувашское at 'лошадь'‖ yət, собственно *yut 'собака', оставило след от той же древней как бы «собачьей» ступени развития и у вотяков: у вотяков сохранилось слово именно с более архаичным значением 'собаки' в основе глагола ut-e 'лает', ибо глагол 'лаять' по палеонтологии речи происходит от имени 'собака'; само русское слово «лаять» происходит от имени lay →la, означавшего 'собаку' и наличного в этом значении по сей день у абхазов на Кавказе (о тесных связях абхазского с русским имеется довольно пространная печатная литература)[2].

Окающая разновидность этого la 'собака', именно lo или no (←→nu), сохранена вотским с обычным низведением губного гласного в «ы» в составе скрещенного слова pu-пы 'собака', из *pu-nu (nu↘пы); но это же слово в разновидности lo успело получить у венгров значение 'лошади'.

---

[1] Н. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории. Лгр. 1926.

[2] Н. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. Термины 'Лошадь' и 'Тризна'. Изд. Наркомпроса Абхазии. Лгр. 1924; его же, Русское «человек», абх. аоуə̀ (ДАН, 1926), стр. 81—84; его же, Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык. Лгр. 1929 и др. (см. КП).

Первая же часть вотского pu-пы 'собака', именно pu, представляет усеченный вид полного pur, закономерного двойника акающего pal → bal ↘ mal ‖ val, что̀ без всякого изменения сохранилось в самом вотском в виде именно ↘ val со значением 'лошади' и со значением же 'лошади' в скрещенном виде ka-bal в народном латинском, откуда западно-европейское франц. cheval 'лошадь' и т. п. История этого термина, как названия уже 'лошади,' теперь прослежена на пространстве от Японии и Китая до Пиренеев[1], но мы здесь упомянем усеченный вид ba со значением еще 'собаки' в русском скрещенном слове «со+ба-ка», где -ka позднейший придаток. Это «со+ба», усеченный вид полного *so-bal, двойник которого русское же «соболь», и оба они коренные русские слова, как все другие, между тем «собаку» в русском считают доселе заимствованием из мидийского!

Таким образом, на звуковое изменение возлагалась определенная функция как бы добавочного уточнения слова.

Независимо от этого целые звуковые комплексы в речи рядом с их материальным значением как слов, напр., 'рука', 'глаз', 'рот', равно 'небо', означавшее одновременно и 'голову', имели другое как бы надстроечно-добавочное значение по функции обслужить увязку слов, именно члены тела оказались предлогами или послелогами, многие наречиями со значениями: 'рука'—'через' (первично в роли 'орудия'), равно' около', 'близь', 'глаз'—'на виду', 'перед', 'рот'—'на краю', 'у', 'небо' [→ 'голова']—'вверху', 'земля' — 'низ' и т. д., и т. д. Впоследствии слова эти истерлись, обратились в пережитки-звуки, точно символически означающие тот или иной предлог, послелог, наречие; эти же имена образуют падежные окончания, множественное число, целые части речи, как, напр., глагол. Функциональное значение слов пережило их основное значение, как самостоятельных слов, каковое сейчас приходится откапывать путем палеонтологических изысканий.

---

[1] Н. Марр, Берская 'лошадь' от моря до моря (ДАН, 1926), стр. 129—132; его же, Государственная Академия Истории Материальной Культуры (Печать и резолюция 1917—1927, кн. VII), стр. 290—291.

*

Ясное дело, если не подойти к этим надбавочным функциональным значениям палеонтологически, то никогда вы не вскроете не только происхождения данного явления, данного окончания или суффикса, данной представки или префикса, данного звука, но вы не овладеете в полной и, главное, надлежащей мере ни подлинной техникой, ни подлинным смыслом того или иного звукового явления, вы никогда не поймете структуры языка, следовательно, вы и практически не можете быть сознательным хозяином своей родной речи и творцом дальнейшего ее перерождения, развития в соответствии с новыми потребностями.

С функциональной сменой слов мы подведены к особой части нового учения об языке — стадиальности развития слов, отвечающей истории материальной, а потом и так называемой духовной культуры.

Здесь выступает замена 'руки' искусственным орудием производства — 'камнем' (чв. ӧul ↖ *шul), ставшим называться посему 'рукой' (чув. sol- ←→ sul-, в sol-ga 'запястье', 'браслет'), которая перешла затем как название на металлы, в порядке их появления, бронзу, медь, железо, олово и т. п., равно соответственное название 'рукой' 'топора', 'ножа' и иного орудия, сначала каменного, потом металлического. Такие же переходы наименований хлебных растений, сменивших прежде всего 'желудь' и другие плоды паразитического хозяйства, все это установлено так же, как с появлением средств передвижения в преемственности оленей, собак, лошадей и т. п. названия животных старой службы перекочевывали на животных нового хозяйственного обихода с той же функцией[1], а с домашних на дикие, ибо звуковая речь началась по одомашнении собаки.

Слов, означающих 'собаку', в чувашском несколько, их больше, чем чуваши о том сейчас знают. Все они дают основание для такой же иллюстрации перехода названия 'собаки' и на 'ло-

---

[1] Н. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории. Лгр. 1926.

'шадь'. Другая линия использования собаки в применении к другому животному находится в связи с тем, что по ее одомашнении 'собакой' называли 'волка'. Палеонтология речи установила, что 'волк' это обычно значит 'собака', иногда 'большая собака', в отличие от 'лисы', 'малой собаки'[1]. И, так как в то же время глагол 'лаять' происходит всегда от 'собаки', то чувашский глагол vĕr 'лаять'[2] порука тому, что vĕr значило и 'собака', и отсюда полное оправдание чувашскому происхождению болгарского слова ver-e 'волк'. Это болгарское слово разъясняется не турецким bör-ı, а именно чувашским vĕr, означавшим некогда 'собаку', и палеонтологически также марийским его двойником pɪr-e или pɪr-ы 'волк'.

Обычное же теперь у чувашей слово для 'волка' kaшkər, означавшее, следовательно, первоначально также 'собаку', а по функциональной смене значений — 'лошадь', в марийском служит потому основой глагола kəшkəj-am (луг. kuшkuj-am) 'еду верхом': уже у пра-мариев то же слово значило, следовательно, 'лошадь'.

Эта функциональная смена терминов, сообразно со сменой предметов в стадиальном развитии хозяйства, имела свое применение и на тех ступенях в росте культуры, создавшейся ручным и, при смене руки орудием, инструментальным трудом, когда наросло космическое мировоззрение, и с ним стали появляться надстроечные, вообще отвлеченные понятия, когда, следовательно, для их обозначения использовывались слова материального значения.

Пример характерный, когда 'колесо' и 'телега', выражаемые одним термином у приволжских и кавказских народов, встречаются совершенно не случайно с тем же термином в значении такого абстрактного понятия, как 'время', в частности, именно

---

[1] Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, стр. 392; его же, Из двухэлементных абхазских слов (к встречам с чувашским). ДАН, 1927, стр. 149; его же, Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении, стр. 11 отд. отт

[2] Ср. vĕr-t 'дразнить собаку'.

с русским словом «время»[1] — повторяю, совершенно не случайно, так как подобно 'колесу + телеге', носившим одно общее название с 'небом + солнцем', 'небо + солнце' в свою очередь было использовано для обозначения абстрактного понятия 'время', собственно, 'время + год' и т. п.

В чувашском существует и такое отвлеченное понятие, как 'истина', слово первично означало 'солнце', resp. 'день', т. е. отвлеченное понятие явно надстроечного порядка раньше замещалось материальным указанием наглядности, 'правдой' было то, что было видно, более того указанием материального предмета или конкретного явления, источника зрения: 'правда', 'истина', это 'солнце', 'день' и т. п. Бывает, конечно, что этот термин заимствован из чужой, более культурной речи, напр., у французов vérité 'истина' целиком пересажена из латинского, это слово veritas, а откуда же взято, напр., чув. ӳэп 'истина', 'правда'? Да ни откуда, т. е. из самого чувашского, ибо представляет в связи с развитием собственной общественности использование соответственного материального или конкретного слова, какое требуется палеонтологиею речи, ибо ӳэп — ослабленный вид полного *ӳon ⟷ *ӳun, что в свою очередь по фонетическим соответствиям еще яфетической системы есть ни более, ни менее как разновидность kon ⟷ kun, означающего 'день', и постольку, следовательно, означавшего и 'солнце', а это подтверждается уже сравнением не только с турецким, но и с баскским, более того, с целым рядом других языков, в которых имеется то же слово со значениями, связанными с 'солнцем', или материально, напр., 'свет', 'глаз', 'зрение' или мифологически, с эпох еще до-логической ступени развития человеческого мышления, с эпох, когда возникали и так называемые греческие мифы, разумеется, до греков, так миф о солнце, выезжающем на лошадях, собственно о 'солнце-коне'. Что касается материальных или конкретных понятий, выражаемых этим же словом, в одном грузинском и

[1] См. выше, стр. 17.

ближайше связанных с ним языках налицо длинный ряд терминов со значением не только 'света', 'глаза', 'зрения', но и производных от них служебных слов — наречий, предлогов или послелогов, так — предлог 'пред', как сказано, разъясняется как происходящий от 'глаза', буквально, 'на глазах'. Слово ϑin, наличное в приволжских языках в значении 'глаза', у грузин означает 'зрение', 'глаз', также 'свет', так как то же слово означало 'светило', в частности, 'солнце', и чуваши сохранили его с этим значением в своем земледельческом культовом термине ṣinḍ̌e, названии известного весеннего праздника.

В связи с 'глазом', одним из членов тела, микрокосмически воспринявших название космических тел, выявляются такие уже космического порядка значения, как 'луна', 'солнце', или, если осмысливать по нашему уже с давних исторических эпох возабладавшему логическому мышлению, 'глаз ночи' и 'глаз дня', как толковалось у египтян это смущавшее и древних совпадение названий 'очей' с названиями 'луны' и 'солнца' в их еще в такой мере архаичных языках.

В самом деле, именно чув. ϑən 'правда', первоначально в языках яфетической системы звучавшее *ϑun ⟷ *ϑon 'солнце' (см. стр. 38), как разновидность шипящей группы, и в ней же по ее закону перерождавшееся в ϑin, в последнем виде сохранено грузинским в значении 'света', 'зрения', но оно же рядом с 'солнцем' или 'луной', что̀ пережило в названии переднеазиатского лунного божества S̱in, значило и 'глаз', последнее же на севере безукоризненно выявляется вотск. (удм.) sin 'глаз', да зыр. (коми) ṣin 'глаз', откуда в грузинском другая чисто грузинская разновидность свистящего типа ṫin со значением 'перед', буквально 'на глазах', да кроме того соседящие ныне с чувашами марии (черемисы) сохранили и sən- и шin- в значении 'глаза' в составе их двухэлементного скрещенного термина горного sən + zä 'глаз' и лугового шin-ϑa 'глаз', и, что̀ представляет исключительный интерес, как свидетельство весьма сложных процессов скрещения, которым подвергались

языки Средневолжья, то же шіп-, resp. шəп- со значением 'глаза' из черемисов же сохранили так называемые лесные, в своем трехэлементном скрещенном шəп + ďа-гоj 'глаз', и только (это по моему наблюдению, но по общепринятому толкованию самих мариев это 'орбита глаза', 'впадина глаза', да и лишь в разновидности шіп-ʔа-гоj), где третий элемент гоj, уже разъяснено, также означал 'глаз', да 'солнце' и т. п., как это свидетельствуется фактами из ряда языков яфетической системы Кавказа, да и за его пределами (при значении 'орбита' семантический архетип по существу не изменится, ибо таким архегипом будет 'небо').

Если кого-либо смущает палеонтологически вскрытый факт, что наречие или послелог, равно предлог 'перед' происходит от имени существительного 'глаз', то обращу внимание, что, во-первых, чув. ит 'перед' также означало первоначально 'глаз', что это слово анализируется как двухэлементное скрещенное образование из и- и -т, одинаково означавших 'глаз', причем второй элемент -т есть, если не учитывать нормального колебания огласовки, усечение слова mal ↗ bal, означавшего 'глаз', как то также установлено материалами средиземноморских языков, включая и коптский, и абхазский, и грузинский[1], и потому mal также означало и означает 'перед', не только в чувашском, но и в грузинском, здесь в составе скрещенного образования umal, усеченным видом которого является уже разъясненное нами чув. ит 'перед'. Что же касается начального и- чув. слова и-т, также означавшего 'перед', следовательно, первично' глаз', то это усеченный вид слова иг, в марийском представленного закономерно в виде иj, основы глагола иj-as 'видеть'.

Однако, без поразительно яркого переживания в чувашской речи, более того — в чувашском быту не остается основное, нас занявшее слово ʔəп, у чувашей сохранившееся со значением надстроечного порядка 'истина', у мариев же в составе скрещенного шіп + ʔа и şəп + zä означающее доселе 'глаз'. Надо лишь

[1] Н. Марр, Абхазоведение и абхазы (ВС), стр. 142; его же, Китайский язык и палеонтология речи. I. 'Глаза' и 'слезы' (ДАН, 1926), стр. 95.

учесть, что опять таки в переживаниях начальных стадий развития все переплетено с мифами и производством, ибо раз 'глаз', то и 'светило', именно не только 'луна', но и 'солнце' (см. стр. 38, 39), и вот ʂin+ʐe или ʂin+ʤe, равно ʂinʒe → ʂinʒe, именно 'солнце' у чувашей пережило в быту как культовый предмет в названии известного, весеннего праздника, около Троицы, когда неделю, другую, если не все три, прекращается всякая полевая работа. К толкованию этого термина в том же смысле мы могли бы теперь подойти и с одними чувашскими материалами, и в то же время вскрывающиеся тут материалы дают основание к тому, чтобы снова вернуться к анализу имени Синеуса в легенде о трех братьях, и дать окончательное разъяснение толкованию, лишь намеченному нами в Чувашах-яфетидах [1].

Однако, сейчас наш мотив интереса к чув. ʒən 'истина', 'правда', именно то, что это значение есть благоприобретение позднейшей стадии развития чувашской речи, когда чуваши уже были разобщены и с азиатскими турками, и с кавказскими или иными яфетидами, это благоприобретение их, чувашей, уже национальной исторической жизни, однако, и этот процесс развития чувашского коллектива не мог проходить в изоляции и не проходил, как то свидетельствует общность этого надстроечного термина 'истины' у чувашей с русскими, однако, с той явной разницей, что тогда как у чувашей слово ʒən использовано от моносиллабического состояния речи, следовательно, еще в примитивной ее стадии, его эквивалент tin в русском появляется лишь в составе уже позднейшего скрещенного образования is-tin-a, да и это tin усекается до начального согласного в прилагательном «ис+т-ый», полный же вид tin сохранен опять чувашским, но в конкретном значении 'глаза' в основе произведенного от него глагола tin-kĕr-es 'вытаращить глаза', как в марийском шиʤam kär-äш, причем мар. шиʤa (ср. стр. 39) 'глаз' покрывает ясно по значению чув. tin.

---

[1] Стр. 19.

Естественно, в таком же порядке разъяснились и грамматические категории. Они увязаны с историею общественности и ее мировоззрением, различным на различных ступенях стадиального развития. Напр., грамматический род: мужской, женский, средний. Казалось бы, это идет от естественного пола. Ничего подобного. Да и что за противоестественный средний род? И почему различного грамматического рода бывают и предметы, абсолютно не имеющие ничего общего ни с каким полом? Поучительно, как обстоит дело с металлами в языке, как они называются и почему? Это очень сложный вопрос, требующий специального и детального обоснования, но один факт, не подлежащий никакому сомнению, это то, что металлы, служившие для выделки орудий, а таковы бесспорно бронза, медь, железо, носят по преемству название 'рука', как 'камень', а 'золото' и 'серебро' одновременно (не по блеску ли и цвету?) увязываются со светилами, — 'солнцем', 'луной'. Вопрос этот, повторяю, очень сложный, связанный и с мировоззрением человечества, представляющего себе небо при каменной культуре каменным, при металлической — металлическим, так обычны у древних народов пережиточные совпадения неба с железом, но, несмотря на известное самодовлеющее их значение металлы, подчинены также грамматическому роду, и где средний род есть, там большинство их названий — этого среднего рода, именно:

'золото' awrum, 'серебро' argentum, 'олово' plumbum, 'железо' ferrum.

Лишь «медь» (русск.) женского рода, если не говорить о считающейся спорной 'бронзе' (франц. le bronze). Этому изменяют романские языки и семитические, в которых нет вовсе среднего рода, только мужской и женский, и вместо среднего — мужской, как, впрочем, и у греков, в названиях металлов.

И вовсе никакого рода в языках без грамматического рода, в языках порой древнейших систем.

В чем же тут дело? Неужели естественное половое различие не сразу было осознано человечеством? Повторяю, первобытное

человечество полом, как полом, при сложении своего мировоззрения не интересовалось. Грамматический род — отражение лишь форм общественного строя. При первобытном коммунизме не было никакого рода; при матриархате древнейшей классовой организации, было господство матери-женщины, и металлы того времени, если уже не бронза, то медь, выявляют использованной как классовый признак частью слова принадлежность социальной группе, возглавляемой женщиной, да к тому же металл, воспринимаемый все еще как орудие производства, должен был разделять «грамматический» род первого орудия — руки; когда же матриархат был сменен патриархатом, то возникли, формальные классовые признаки и переходного времени, так называемый средний род связан с результатами производства, продукциею, отсюда и с материалом, прежний же внеклассовый вид, общий, пошел за мужским, стал выразителем господства классовой организации с отцом-мужчиной во главе, причем эти классовые признаки формально выражались в начале не в самих словах, а во вновь народившейся, со времени возникновения собственности, собственнической части речи, местоимении личном и притяжательном.

Это распределение не только слов, но всех сторон человеческой звуковой речи по стадиальности общественного развития от пережитков паразитического хозяйства до современной, построенной на машинной технике промышленности, от недифференцированных первобытно коммунистических форм социального строя до государственных образований с крайне обострившимися классовыми взаимоотношениями, до порога внеклассового общества в результате руководящей роли рабочего класса, уточняет и укрепляет вскрытые новым учением связи языка с различными по материалу типами хозяйства, в том числе каменного и металлического, с различным социальным строем, матриархальным и патриархальным, с различными идеологическими построениями мировоззрения и даже с различными по складу системами мышления, логической и до-логической или образной,

мифологической. Вскрыты в языке, в различных частях речи и в различных формах слов, как отложения производства и им созидавшейся общественности, не только эти общие типологические формы жизни, но и конкретные факторы ее социальной организации, как то: право собственности, групповые, классовые, сословные, племенные и семейные взаимоотношения. Наблюдено в языке возникновение одних явлений из других, отнюдь не схожих, а противоположных, в путях развития диалектического процесса. И все это делает новое учение об языке чрезвычайно сложным и ставит его в весьма трудное, почти исключительное положение, по связи с социологиею, ее новейшей в Европе формою — марксизмом. Отсюда то понятное перед его положениями смущение академической среды ученых и вообще работников в путях традиционной линии научного мышления, которое освещается мною в работе «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком». Отсюда же также смущение в кругах лингвистов-филологов старой формальной школы перед положительной оценкой яфетической теории, которую решаются дать ученые марксисты, не будучи языковедами. Еще не осознано в ученой среде, что лингвистика раньше, чем по функции, по самому своему происхождению — обществоведческая наука, и, соответственно, компетенция ученых марксистов вполне обоснована.

В то же время все эти исследовательские возможности вскрылись после того, как были взломаны детальными наблюдениями отдельных фактов перегородки, установленные старым учением об языке, между различными группами языков, различными так называемыми семьями, оказавшимися различными системами звуковой речи, которые, отражая различные ступени развития мирового хозяйства и общественности, сами являются показательницами лишь различных стадий эволюции звуковой речи в едином языкотворческом процессе всего человечества. Языков, возникших в изоляции, не существует. Следовательно, нельзя и изучать их в изоляции. На эту тему, если кого интересует, отвечает моя

работа «Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык»[1].

Абхазский язык лишь пример. Вместо него прекрасно можно поставить и чувашский, и черкесский, и чеченский, и аварский, или на севере коми или зырянский, вотский или удмуртский, также вскрывшийся как девственная руда с золотыми россыпями по важнейшим проблемам истории мировой культуры.

Это становится ясно и при специальном освещении национального названия вотяков, оказавшегося связанным с космическими терминами 'небо' и 'солнце'.

Из палеонтологии речи теперь известно, что 'небо' и 'солнце' обозначались одним словом, а 'солнце' использовывалось для обозначения и 'дня' и 'года', как 'луна' для обозначении и 'недели' и 'месяца'. Отсюда во избежание смешения 'солнце', как часть 'неба', позднее стали отличать уменьшительной кличкой — 'небесенком', буквально 'дитятей неба'. В удмуртском 'день' и 'солнце' уже различены тем, что для 'солнца' взято слово одной социальной группировки, а для 'дня' — слово другой социальной группировки. 'Солнце' — шundы, а 'день' nunal, но, тем не менее, каждое из них означало и 'солнце', и 'день', первично 'небо + солнце', и в обоих терминах имеем составное слово, означающее 'небесенок', буквально 'дитя неба'. Из них вотск. шundы и зырянское шundı 'солнце' имеют одну основу с русским словом sol (в латинском самостоятельно 'солнце'), это шu, которая, как в русском «сол-н-» стоит в родительном падеже шu-n и управляется словом, означающим 'дитя', в русском ϑ̇e из ď̆e, в вотском и зырянском dы и dı (d̯o и d̯ı): шundы, шundı. То же самое оказалось в nunal 'день', первично 'солнце', буквально 'дитя неба'; вторая часть nal это 'дитя', отсюда nal 'маленький', 'молодой' в вотском же слове, также составном — pı-nal или pıŋal 'молодой', буквально 'дитя + молодое', 'дитя + дитя', nu 'небо'.

---

[1] Изд Восточного Института имени А. С. Енукидзе.

Оба слова имеют и других сородичей в самом вотском, да у них увязки и с далекими ныне от вотяков языками, так nu, основной простой элемент, сохранился в том же виде в составе латинского скрещенного слова nu+be-s со значением 'облака', происходящего от 'неба', и в разновидности ne- в словах равным образом скрещенных со значением как также 'облака' в греч. ne-φel- (νεφέλ-η), так и 'неба' в русск. «не-бо». Вотское же mundы 'солнце', букв. 'дитя неба', усеченным[1] видом своей основной части mu 'небо+солнце' появляется на западе, где ḫu самостоятельно сохраняется теперь у басков в значении 'огня', ибо 'огонь', как и 'свет', оказался по палеонтологии речи происходящим от 'неба+солнца', да в разновидности su и ḏu 'горящие уголья' с родовым значением 'огонь' оно же в основе вотских глаголов su+t-ыпы 'сжигать', ḏu+at-ыпы 'зажечь', равно ḏual+ыпы, а полный его вид mur, в разновидности спирантной ḫur, в значении 'огня' у армян, но она же у целого ряда древнейших народов Средиземноморья в первичном значении 'неба', в числе их у басков, пережитка первоначального населения Западной Европы: баскский язык от ur 'небо' прибавкой te 'дитя' дает производное слово urte, буквально, 'дитя неба', которое, как вотское mundы, значит '[солнце+] год'. Такое же происхождение имеет основная часть национального названия вотяков ud+mur+t, т. е. ud-. Если бы не было довольно обычной у вотяков спирантизации начального шипящего звука, это слово звучало бы mud, что позднее дело бы ẓud, а на предшествующей ступени развития skud, т. е. в этом национальном названии вотяков вскрывается название древнейшего чудского населения края, которому археологи приписывают определенные древности, чудские древности. В его же разновидности skud (* ← skul-tan) мы имеем основу греками сохраненного названия скифов — skuδa.

Самая же вотская разновидность ud, при Видемане звучавшая ur-d (может быть, и теперь), нарицательно значит, как бск.

[1] См Н Марр, Лингвистически намечаемые этапы развития человечества и их увязка с историей материальной культуры. СГАИМК, I, стр. 61.

ur-te, буквально 'дитя неба', и, следовательно, по этому национальному названию вотяки именуются 'детьми неба', а это совпадает с тем, что сообщает греческий историк Геродот про один из северных от при-черноморской Скифии народов со слов скифов, не знавших как и Геродот, что такое название — общее явление для всех народов на определенной ступени развития, потому то же самое значит и племенное название vogul, как уже разъяснено в работе о скифском языке [1], то же самое значило название скифов, и то же самое значит название известного из VIII-го в. до н. э. кавказского народа uti, тезки прикамских удов, или, отныне, чудов, равно как скифов.

Но сам удский язык сохранил в своем словаре акающий вид того же ur 'небо + солнце', и раз 'солнце', то, следовательно, и 'день', и 'год'. Это — термин со значением 'год', а в клинообразных надписях Вана, где впоследствии возникла Армения, в надписях с IX-го в. до н. э. это же ar 'год', собственно, 'небо + солнце + год', имеет уменьшительное образование, как шundы, именно ardi, и значит 'солнце', 'божество солнце', и другая диалектическая разновидность sard 'солнце' входит в состав имени ванского царя Сардура, букв. 'Солнцедара', и это же sard в основе названия того города Сарды, столицы Лидии, про который Ксант Лидийский осведомляет, что на местном языке слово означало 'год', следовательно, по палеонтологии речи и 'солнце', как это видно из его спирантной разновидности Ardi, означающей у ванских халдов 'бог солнце'.

И о каком бы языке ни возник вопрос, дело будет касаться не монолитной речи какого-либо народа, а скрещенного языка, в какой отливались и отложены достижения речевой культуры не одного руководящего слоя, не одной производственно-социальной группировки с ее некогда тотемом.

И вот вся эта сложность и богатство не только лингвистических, и формальных, и идеологических разъяснений, но и связан-

---

[1] Н. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 384.

ных с ними осведомлений по истории материальной культуры и общественного строя, по пережиточным актуальным мировоззрениям, которые могут и неизбежно должны развертываться при прохождении, в свете нового учения об языке, курса чувашского, вообще любого бесписьменного или младописьменного языка, хотя бы лишь сегодня возникающего в литературном оформлении, не дают ли нам основание утверждать, что родная речь — могучий рычаг культурного подъема?

Это в интересах прежде всего укрепления национальной культуры в советских путях не замкнутой в себя, и в таком случае — обреченной на застой, а растекающейся живым потоком движущейся широкой международной человечности.

Однако, нас вынуждает другая сторона дела признать необходимость безотлагательного использования того же могучего рычага.

Современный строй выдвинул значение каждого языка как орудия пропаганды, как средства массовой общественной работы во всех уголках нашего советского союза, независимо от его исторических заслуг, независимо от его культурных достижений, часто вопреки его наличной неприспособленности для такой задачи, можно сказать, для такого общественно-налагаемого нашим строем подвига, собственно для такой ни более, ни менее, как культурной революции. Ясное дело, что для производства такой культурной революции необходимо не только быть знатоком языка, как он есть, но знать и то, как язык сделался тем, чем он есть, как бы он ни был несовершенен, значит, как он возник и развивался, и, следовательно, как он может стать тем, чем он общественно должен быть. К такой же необходимости изучения языков всего мира без учета степени их культурного развития пришло путем своих теоретических изысканий и новое учение об языке, но, когда понадобились работники этого дела, хотя жатвы много, мы это отлично видим теперь все, но жнецов не оказалось. По мертвым, да чужим языкам сколько угодно. По египетскому сейчас в одном Ленинграде легко насчитать одиннадцать прекрасно

квалифицированных специалистов, ближайшую нам смену, так же по древне-греческому языку одних гомеристов успела высшая школа подготовить человек пять. А по языкам национальностей? Лучше не подводить статистики, ни качественной, ни даже количественной.

Что же мы, следовательно, проповедуем варварскую мысль уничтожить или в какой-либо мере затормозить изучение столь важных для истории культуры языков, как египетский или греческий? Ничего подобного.

Я помню, как раз, лет пять тому назад, Нарком Просвещения, т. Луначарский, читавший в Академии Истории Материальной Культуры доклад об искусстве в марксистской постановке, на поданную из публики записку, нужны ли в наше время социалистического строительства знания античного мира, эллинского искусства, ответил: «конечно, нужны», и, сравнивая их с пушками, добавил: «как пушки, они нехороши и ненужны в руках буржуазии, но, вырванные из ее рук и обращенные против буржуазии, они хороши и нужны».

Однако, со знанием языков не так легко справиться. Не достаточно повернуть дулом классические языки в ту или другую сторону, чтобы использовать их в нашем культурном строительстве. Языки эти бесспорно важны, изучать их полезно, но раньше надо найти им место, да и изучение их должно быть поставлено иначе, чтобы отыскать им место и обеспечить его за ними. А легко ли это сделать с классическими языками? Можно быть уверенным, что с ними, с этими классическими языками, латинским и греческим, наиболее и наидольше научно изучавшимися языками, труднее, чем, напр., с чувашским языком, с ними хуже обстоит дело в отношении проработки методом современного нового учения об языке. Как же так? Ведь латинским и греческим занимались целые века, тысячелетия. Греческий язык изучали с весьма ранних эпох, ибо без особого изучения греческого языка, да его диалектов, не могли надлежаще понять сами греки ни лучшего мирового поэта, Гомера, ни лучшего рассказчика повествователя, Геродота, величаемого

европейцами «отцом истории». В гомеровском языке столько древних переживаний, до-классических, что понять его просто грамотный грек с улицы без специальной подготовки, конечно, не мог. Геродот пишет таким наречием, что не всякий грек даже в его дни был рожден так, чтобы считать его речь понятной, как свой родной язык. Греческий язык изучали римляне, республиканские и имперские, одинаково империалисты, и их ранняя средневековая византийская смена, также империалисты, далеко не из одних греков. Греческий язык изучали впоследствии арабы, а раньше особо т. н. мелкие народы, копты, сирийцы, армяне и грузины, все народы Востока, посильно пособившие сохранению в человечестве непрерывности культуры, увязке творчества новых дней и их потребностей с достижениями предшествующих эпох человеческой тогда социально каторжно построенной трудовой жизни. Греческий язык в то же время изучали по особым мотивам островитяне ирландцы, раньше чем обитатели европейского материка. Не только вновь подошедшим, мало посвященным в достижения буржуазной науки, но и большинству, прямо таки массе ее представителей о широкой по греческому языку просветительной роли этого островного народа, ирландцев, также небольшого народа, об их культурном главенстве, нисколько не более известно, пожалуй меньше, чем о роли арабов и сирийцев, хотя бы армян и грузин, в деле культивирования греческого языка и, естественно, его изучения. Греческий язык с исключительным рвением изучали и позднейшие византийцы, уже одни греки, т. к. с классическим греческим языком имела мало общего по своему складу, по идеологии, да и по технике своего построения разговорная речь и древних эллинов, еще менее, в массе огреченных «варваров», аборигенов Малой Азии и При-черноморья, византийцев, на деле же в состав византийцев входили народы, говорившие массово на различных языках, вовсе не греческом, и греческий язык изучали, наконец, в Европе, да так углубились в его изучение, что высота культурного уровня каждой ее страны расценивалась по степени развития в ней эллинистики, т. е. знания греческого языка, а за-

тем и по степени примыкания к греческим образцам даже в литературном творчестве. Конечно, культура с привязанностью к мертвой эллинской речи была классовой, находила почву в тонком верховодящем слое нарождавшихся классовых образований, сама же гуща населения, сами народы европейских стран в низовых массах были совершенно чужды этому классовому просвещению системой своего мышления и системой своего общественного строя, ибо масса продолжала оставаться верной системе своего хозяйства, в ней упорно бытовал соответственно языческий культ, связанный с тем или иным производством, и масса говорила различными языками той же древней, сейчас называемой до-исторической системы; масса не только не приобщалась к утонченности занесенного извне просвещенного эллинизма господствующего класса и примыкавших к ним экономически группировок населения, но и туго, чрезвычайно туго подавалась усвоению государственного языка римской империи, латыни, становившейся обиходной речью всего господствующего класса западной Европы. Наоборот, последовала эпоха, весьма длительная, когда массовые языки старой системы стали влиять, через соответственные производственные организации и соответственные группировки, дружины и неразлучный с ними цех и сказителей бардов, на латинскую речь замкнутого класса. Был момент, когда повсеместно вырабатывались особые языки гибридного строя, переходные от древней системы к новой. На Западе это произошло с образованием так называемой кельтской народности, как будто разлившейся путем переселения по всей Европе, да Азии. Таково доселе общее мнение интересующихся кельтами ученых, даже тех, которые, будучи специалистами по родной стране из самих ирландцев, прекрасно обличают чудовищные искажения, вносившиеся христианскими писателями в изучение ирландского народа, в его предания и т. п.

Совершенно так же, как про первых индоевропейцев вообще, так про кельтов, в частности, существует учеными измышленная легенда, точно они откуда то (откуда — это или вовсе неизвестно

или спорно) вселились в Европу в обладании тем или иным видом уже сложившейся индоевропейской речи.

Чтобы получить некоторое представление о зловредной фантастичности этих ходячих по сей день в научной литературе легенд про появление индоевропейцев, интересно знать, как трактуется этот вопрос не у почти забытых устаревших основоположников этого учения, а в современных исследовательских работах актуального значения. Остановлюсь на подобной трактовке в записке ирландца-специалиста Dr. MacNeill'я, внесенной Alice Stopford Green в ее по-английски составленную Историю Ирландского государства до 1014 г., книгу, появившуюся в 1925 г.[1]

Описав предполагаемое еще на их родине состояние индоевропейцев, ничего в себе специфически индоевропейского не представляющее и отнюдь, разумеется, не первобытное, автор в заключение замечает[2]: «Но их [т. е. индоевропейцев] наиболее отличительное достижение было укрощение лошади, первоначально дикого животного, природного в той богатой травой равнине, на которой они обитали; овладение ими лошадью, в придачу к здоровому и сильному характеру их социальной организации, и поставило расу эту во главе цивилизации. Гомер, древнейший из поэтов и историков, чьи труды доселе переживают, древних греков называет «конеукротителями» (ἱππόδαμοι)[3]. Были изобретены различные названия, чтобы обозначать эту первоначальную расу (original race) — арийцы, индоевропейцы, индогерманцы, но Гомеровское название «конеукротители» является наиболее подходящим и наиболее отличительным.

«Древнейшие воспоминания об индийской ветви [этих т. н. индоевропейцев] восходят к 1600 г. до-христианской эры. В последующие столетия другие ветви той же расы толпились на окраинах Вавилонской империи. В Грецию и Малую Азию они вторглись, вероятно, между 1300 и 1200 годами до р. хр. С момента,

[1] History of the Irish State to 1014. London.

[2] Ц. с., стр. 22.

[3] Илиада 2,23 сл. и Одиссея 3,17.

когда ахеи «конеукротители» вторглись в Грецию, начинается, можно сказать, европейская история. Неизвестно, в какой период поселились в средней Италии италийская ветвь, латиняне и прочие».

Во всей приведенной нами тираде единственное состоятельное место это заключительная часть, где автор признает неизвестным, «в какой период поселились в средней Италии италийская ветвь, латиняне и прочие». С другой стороны, потрясающая наивность, проявляемая автором, это то, что ему представляется допустимым устанавливать время возникновения того или иного народа на основании самопоказаний, тогда как начало, вернее возникновение каждого народа, тем более целой так называемой расы, это событие характера длительного социального процесса, никогда никакими сторонними свидетельствами не поддающееся хронологическому определению с точностью хотя бы сотен лет, вообще с датами исторических событий политического характера, это явление, я бы сказал, «этнологическое», если под «этносом» можно было бы подводить социальные явления, предшествующие его образованию, и потому же менее всего сохраняемое в памяти с исторической точностью тем самым народом, который является результатом такого сложного и длительного процесса, как нарождение различных видов племенного образования. Это все равно, как у взрослого человека искали бы осведомления в его воспоминаниях о подробностях процесса его зачатия и рождения.

Но, увы, самый главный изъян это в общей постановке вопроса. Не только нашего автора, но вообще всех последователей индоевропейской школы совершенно не интересует по существу вопрос о происхождении. Ну, допустим, индоевропейцы, действительно, явились бы в указанные места, в частности, в Европу, так, как это обычно принято рассказывать вроде приведенного нами изложения, и, допустим, индоевропейцы и были обладателями описанного состояния культурного развития, когда они стали расходиться различными ветвями по тем или иным предполагаемым переселенческим руслам. Ведь это абсолютно не решает ничего, ибо остается вопрос, а как люди дошли до такого рекомендуемого

индоевропейским развития? Автор же довольствуется констатированием, как ему кажется бесспорного, как бы с неба павшего факта, что «обладание индоевропейцами лошадью, в придачу к здоровому и сильному характеру их социальной организации, и поставило эту расу во главе цивилизации». И, естественно, такое легкомысленное, чисто формальное отношение к событию глубокого социального интереса и громадного и для последующих исторических судеб значения несет свои последствия и в общих положениях, ибо, как выясняет яфетическая теория, индоевропейцы ни откуда не вселялись в Европу, греки так же, как латиняне, время появления которых неизвестно, возникли именно там, где их застает история, и индоевропейцев никак нельзя признать первыми 'конеукротителями', ибо самая терминология коневодства, да, в частности, многочисленных названий лошадей, в том числе индоевропейские, все унаследованы из языков более древних систем, да кроме того, так они неразрывно сплетены друг с другом в различных языках, да вдобавок — при совершенно различных значениях, расходящихся от принадлежности их осмысления различным ступеням стадиального развития единого процесса человеческой истории, что не может быть речи ни о каком выделении индоевропейцев, как «конеукротителей», в какую то особую расу, и тем более ни о какой научной трактовке индоевропейских языков, как независимых образований с особой родиной.

Между тем предвзятая мысль, предвзятое научное построение, не только производит свое мертвящее действие, грозя окончательным застоем более углубленному изучению самих индоевропейских языков, но и опустошает, делает бесплодными попадающиеся ей на пути неустранимые материалы; оно отмахивается от них, или, что еще хуже, все по прежнему продолжает упрощенно трактовать проблемы об языках и позднейших эпох, связанные с сложнейшими социально-экономическими процессами жизни.

Такова, между прочим, имеющая и для Восточной Европы, в частности, и для истории чувашей, кельтская проблема, раз-

решаемая попрежнему примитивными приемами расовой этнографии.

Кельты, учит старая школа, это сложившаяся мол где-то в одной территориально изолированной среде народность, которая точно река Нил с ее разветвлениями в Египте, благоденствует мир, разливаясь по белу свету многочисленными миграционными потоками. Вот несколько наиболее характерных штрихов такого упрощенного освещения проблемы о кельтах, опять таки из той же новой книги, посвященной специально истории такой исключительно любопытной кельтской страны, как Ирландия.

«Об отличительной жизни кельтов в древнейшие эпохи их существования», читаем мы здесь, «самое наше осведомление происходит от [археологического] обследования известных стоянок в Верхней Австрии. Кельты здесь были оседлы около 900 лет до христианской эры, живя земледельческой жизнью и разрабатывая железные и иные металлические руды, а равно соляные копи. Отсюда они распространились на запад через южную Францию в Испанию, и имеется указание (evidence), что они были уже оседлыми обитателями в южной Испании между 700 и 600 г. до хр. эры. Когда греческие колонисты обосновались в Марсели на юге Франции, около 600 г. до р. хр., они застали кельтов в обладании соседящей страны. В северо-западной Европе кельты могут быть прослежены около 450 г. до хр. эры по остаткам их характерных искусств в долине реки Марны. Вероятно, около столетия позднее они начали занимать острова Британский и Ирландский»[1].

«По тысячам таких могил, вскрытым на кладбище в Hallstatt близ Зальцбурга, мы узнаем, что это были крепкосложенные люди среднего роста, первые, открывшие и разрабатывавшие железные руды этого края, и они же положили начало железному веку в Европе. Население более древнего мира могло жить лишь в плодородных и безлесных странах, и только обладание железом, даже теперь единственным хозяином (master) растущего леса,

[1] Доселе все по записке Dr. MacNeill'я.

дало кельтам в руки топоры, достаточно мощные, чтобы сделать натиск на лесные массы северной Европы, дало им железные лопаты (spades) и плуги, чтобы извлекать из земли пищу для большого количества народа, и оружие, чтобы рассеивать воинов, вооруженных средствами защиты из кремня, рога и бронзы. Отсюда то и произошло, что этот народ, сильный числом, смелый духом и преуспевший в рудном деле и металлическом производстве, свободно пробивался (struck out) во все стороны как раса-завоевательница. Благодаря железу они были пионерами земледелия и вожаками этого дела».

Все это прекрасно, но если оставить в стороне мистический «смелый дух», неизвестно почему присущий будто одним кельтам, совершенно непонятно, почему вдруг именно у кельтов появляется, как отличительная их черта, обладание железом, и откуда у них это самое «преуспеяние вообще в рудном деле и металлическом производстве», ведь в этом деле «смелый дух» ни к чему, в нем приходится считаться с историею материальной культуры, и, в частности, металлургии, а по этим статьям всем хорошо известно, что все древнейшие показания, не исключая и мифов, направляют наши взоры в страны с языками яфетической системы, и сами металлургические термины, даже древнее, чем кельтский, представленных языков все такого же яфетического происхождения и склада. Если же обратиться к особым так называемым расовым признакам кельтов, то оказывается их не существует. Вот буквально выражения того же историка по этому вопросу[1]: «Следует помнить, что ни древняя история, ни современная этнология не дает ничего, чтобы установить кельтский расовый тип как особо отличаемый. Кто говорил кельтским языком, тот считался кельтским народом».

Во-первых, кто и где не говорили кельтским языком? Оказывается, все и во всяком случае везде и на Востоке. Через Балканы и Грецию их представляют переселившиеся в Галатию

---

[1] Стр. 24.

в Малой Азии, где они, действительно, были. И в то же время ни в одной из этих переселенчески занимаемых стран никаких следов кельтского языка. Можно бы подумать, что не только расовый кельтский тип, но и кельтский язык какой-то мираж, бесследно проходящий по всем странам. Правда, в Ирландии создался центр длительной и цветущей литературной деятельности на одном из языков кельтской системы, но как раз о вселении кельтов в Ирландию исторических эпох известно мало или ровно ничего. С одной стороны историк Ирландии нас осведомляет, что «новая волна диаспоры [т. е. расселения, буквально «рассеяния»] погнала [кельтских] воинов из Галлии, перерезавших море в направлении к Британии и Ирландии, причем Ирландию они достигли, может бы ть, в IV в. до хр. эры», но с другой стороны из-под пера того же историка происходят следующие строки[1]: «Мы не знаем, каким путем, приблизительно около 350 г. до хр. эры, первые обладатели железного оружия вторглись в Ирландию, конечно, не из Испании, но из «солнечной [т. е. южной] Галлии», где *Цезарь* в свое время *признал* [обратите внимание на важность авторитета: «Цезарь признал»] в народе кельтов. Они легко одерживали победы своим новым оружием. Их железо шло на пролом через всякое препятствие. Однако [слушайте], *мы ничего не знаем о поселении этой новой расы в Ирландии*[2]. Члены ее, вероятно, были малочисленны».

Прошу хорошо оценить два места приведенной цитаты, при самом чтении которой я взывал два раза к особому вниманию. Признание в населении южной Галлии кельтов производится по определению Цезаря, который был, не спорим, прекрасный наблюдатель, но вовсе не теоретик-этнолог, да и откуда берется, что представление о самих кельтах его времени у Цезаря должно быть тем же, что теперь ученые хотят навязать этому таинственному в современной науке народу, величине, имеем основание

---

[1] Ц. с., стр. 25.

[2] Курсив наш. Н. М.

утверждать, презренной в научной среде; интересно было бы, наоборот, вдуматься в фактические наблюдения того же Цезаря о кельтах, которые не упускает, впрочем, тот же историк случая привести в следующих выражениях: «Цезарь делает замечательное утверждение, что в его время, когда римляне только-что вышли под греческим влиянием из условий практической неграмотности, галлы пользовались греческим письмом почти во всех делах, общественных и частных».

Ставим вопрос: «Почему греческим письмом, ведь у кельтов-галлов было свое собственное письмо, галльское». А ведь весьма просто: галльское письмо походит на греческое, и, так как Цезарь вовсе не специалист по истории средиземноморских письмен, то раз похоже, для него это — греческое письмо, что же касается цитующего его историка с мировоззрением господствующей филологической школы, то он превосходно знает отличие галльского письма, но раз для него европейская история начинается с греков, то галльское письмо, письмо кельтов в Галлии, следовательно, греческого происхождения. Он так и пишет: «Остатки кельтского письма проявляют явные признаки греческого происхождения». Между тем вопрос о кельтском письме на Западе вовсе не решенная проблема. Письменность в Западной Европе, как вообще в Средиземноморье, была и до греков и до финикиян.

Второе место в той же приведенной нами цитате это признание факта, что о поселении новой расы (т. е. кельтов) в Ирландии собственно ничего не известно, и желание из этого факта вывести не то, что, следовательно, кельты в Ирландии не появлялись в позднейшие эпохи, чтобы были возможности регистрации их вселения в летописи, а то, что «кельтов, вероятно, было немного в Ирландии», между тем в этой стране, о вселении куда кельтов ничего не известно, процветал прежде всего кельтский язык, влияние которого огромно по всей территории Британских островов. То же самое на Востоке. Ничего не известно о иммиграции кельтов на Кавказ или в скифские страны При-черноморья, между тем, десяток разновидностей термина kel-t покрывает территорию

Кавказа как племенные названия или названия стран, в числе их одно из наиболее древних kol-q̇, а в Скифии, никто как сами скифы с их национальным названием skolot, являются тезками кельтов, т. е. оба наименования скифов и sku-q̇a и skol+o-t, как kol-q̇, (с полногласием *k̨or+o-q̇, откуда с перебоем k̨ ~ t̨ название реки Tor+o-q), лишь разновидности термина kel-t, и, что особенно чревато последствиями, кавказские языки яфетической системы с кельтским языком Британских языков, да и Галлии, Франции, ирландским и бретонским, оказываются языками, мало сказать, сродных систем. Ведь по установлении факта, что к яфетической системе относится в Западной Европе живой доселе баскский язык, вопрос о сродстве ирландского с яфетическими языками Кавказа сам собою намечался, независимо от нас, т. к. в баскском и ирландском и раньше указывались разительные материальные встречи. Встречи эти оказались не случайными, ибо вся система ирландского спряжения разъясняется как яфетическая. Мало того, древнейшие культовые термины, да и хозяйственные, выявились тождественными с их мегрело-чанской кавказской разновидностью, ирландское название водного термина в топонимике оказалось также мегрело-чанским словом, означающим 'море', 'озеро', 'пруд', бретонские слова 'вода' и 'вино' оказались тождественными с теми же словами мегрело-чанского происхождения, на Кавказе наличными теперь частью в армянском, частью и в армянском, и в мегрельском, да чанском. Бретонский 'хлеб' также находит свой двойник в яфетических языках Кавказа, в частности в грузинском. Нужно ли говорить, что с данными этого порядка мы увязываемся с чувашами, да вообще Поволжьем, и все в сопутствии скифов, уже исторических, и их преемников? Впрочем, разве только скифов, и их преемников? А кельтов? Ведь если тотемный термин скифов, их племенное название, окружающие народы используют доселе в значении не только 'скота', но и 'плуга', далее 'золота' и, вообще, 'денег' и т. п., в устах чувашей и соседящих с ними мариев-черемисов тот же термин, покрывающий в оформлении полностью племенное название кельтов, служит для образования терминов

только скотоводчества: 'стадо' и 'пасти'. В этом смысле кельтский вопрос интересен не только сам по себе, кельты иллюстрируют своей судьбой судьбы народов, преемствовавших позднее во владениях скифов, от Кавказа с его Каспийско-Черноморским междуморьем до пределов их экспансии по Волге и Дону на север, они иллюстрируют исторические судьбы хазар, исторические судьбы болгар, которые так везде были и никак ничего прочного от них не находят ни по материальной, ни по речевой культуре там, где они известны исторически. Какое поразительное, невероятное явление — ищут и не находят даже целые города, столицу болгар, столицу хазар, ну, хотя бы Саркел, и никогда не найдут; если бы ученые оказались в самой этой хазарской столице (может быть, она и сейчас красуется на Волге или на другой реке без всяких раскопок), то они ее не признали бы, ибо ученые ищут то, чего никто не терял, они ищут доселе примитивными приемами расовой этнологии, ищут народов-массивов без изменчивости типа во времени и пространстве, т. е. в вопросе о текучем социально-экономическом образовании, не устоявшемся типологически коллективе бурного переходного времени, ищут фантомов, созидаемых по образу и подобию представлений о стабилизованном впоследствии историческом или современном нам этнографическом типе, без учета в их речи эволюции «пермутационного» порядка, собственно без учета революционных сдвигов, перерождавших сами типы языков в зависимости от сдвигов в хозяйственной жизни и в развитии общественных форм, и без учета творческой роли руководящих слоев, классов или сословий, выделявшихся в путях диалектического развития, когда при определенных однородных социально-экономических предпосылках один и тот же результат получается в различных местах, независимо от миграции. И, соответственно, с кельтами дело идет не о чудовищном разливе по Европе и Азии племенного образования, фантастического, да потому неулавливаемого, как одна цельная массивная народность, а о слое, кельтском социальном слое, возникавшем при одинаковых условиях по всей Евразии с глубокими на местах корнями, но то же самое

происходило и произошло и на Востоке, где такой же общественный фактор, скифский или сколотский, он же кельтский, с языками гибридного строя выявился в иранском слое, но в подлинном географическом Иране, да в Передней Азии сильнее была до-индоевропейская, даже до-семитическая традиция, закрепленная письменностью, которой возраст не одна и две тысячи лет, а значительно более пяти тысяч.

Этот иранский слой позднее сдал свои господствующие позиции возобладавшему с новой религиею, исламом, арабскому языку, одному из семитических языков, также влиявших раньше, в лице другой своей разновидности — арамейской, на речь подлинного Ирана, особенно его классовую речь, пехлевийскую речь феодалов.

Тем не менее, как западное, кельтское, так и восточное, иранское, хозяйственно-социальные образования создали культурные ячейки с краевыми и цеховыми устными традициями эпического и вообще художественного творчества, борясь с нивелирующим мировым хозяйством, выступая антитезой унифицирующей силы, языка «божественной книги» — на Западе латинского Евангелия, на Востоке — арабского Корана.

На Востоке, районе с традициями древнеписьменных народов Малой Азии, Кавказа, Месопотамии и Ирана взяли верх краевые хозяйственно-культурные строительства с языками различных систем, не только индоевропейской (персидским), но и гибридной, переходной от яфетической к индоевропейской (армянским) и даже чисто яфетической (грузинским) и укрепили себя каждое своей особой классовой письменностью, письменностью своей страны, иногда не одной, и открыли путь гражданственности и другим, раньше бесписьменным языкам.

И тогда как на Востоке носитель мировой культуры, арабский язык, встретив отпор в длинном ряде письменно окрепших и стабилизовавшихся языков несемитического Востока, не нашел путей, чтобы утвердиться навсегда массово, вне слоев господствующего класса, совершенно так же, как не удалось ему

массово утвердиться не только в Испании, но и в Африке, где доселе переживают потомки древнеписьменных народов с их краевой письменностью архаичного типа, в том числе берберы, на Западе, в Европе, наоборот, язык западной мировой культуры, латинский, заполнил все, если исключить лишь одно, именно, островное хозяйственно-культурное строительство ирландцев, кельтское, однако, в конце концов сломленное и на наших глазах попираемое вышедшим из того же островного строительства английским хозяйством.

На открытом же западном участке европейского материка руководящие слои ранне-культурных народов Запада с отходом из под их ног почвы для независимого хозяйства были придавлены железной пятой Рима, не его военными силами, а его железной общественной экономической организацией в мировом масштабе. Спасая свое материальное благополучие усвоением новой хозяйственной системы и нового правопорядка — римского, словом, сломленные и общественно, и экономически, эти вчера еще руководящие слои рабски стремились для сохранения своего классового материального благополучия усваивать господскую речь, латынь, и старались приобщать к ней всеми мерами воздействия возглавлявшиеся ими народы, ныне называющиеся романскими: это итальянцы, это испанцы, это португальцы, это французы, если не говорить о такого рода сателлитах, попутчиках в деле латинизации своей первично-местной речи, как румыны. Чего не доделал языческий Рим и его сторонники в смысле навязывания своего классового латинского языка, то завершил христианский Рим, Рим католический. Латинский язык стал языком господствующих классов, в том числе и духовенства в такой мере, что и после того, как германские народы сбросили иго папской власти, изучение латинского языка, обычно объединяемого с греческим, стало краеугольным камнем европейского образования. Для Западной Европы это был совершенно нормальный путь, повелительно пролагаемый единым процессом социально-экономического развития в порядке смены так называемого натураль-

ного хозяйства различного типа, паразитического и активного, одиночно-группового и массово-коллективистического, капиталистическим торговым и торгово-промышленным, в порядке соответственной смены первобытных форм внеклассовой общественности, первобытного коммунизма, переходной общественностью с ее расслоением, и переходной вечевой кельтской общественности — общественностью с ярко выделенной сословной, а затем классовой организациею, феодальной и буржуазной, и, естественно, греческий и латинский языки продолжали лежать во главе угла классовой, и феодальной и буржуазной, культуры, причем даже невольно возникавшие в новейшее время при развитии промышленного капитализма реальные училища на Западе не могли обойтись без латинского языка, настолько сильна была традиционная, прекрасно скроенная для своих задач, веками слагавшаяся школьная организация, настолько классовая феодально-буржуазная культура не только казалась, но, действительно, являлась незыблемой основой просвещения для феодальных и буржуазных слоев безразлично всех стран и, думалось, всех, в том числе и будущих, веков.

И понятно то исключительное внимание, которое уделялось изучению классических языков. Средняя школа, специальные питомники-институты, университеты, академии, все мирские, на государственный или общественный счет, и соревнующие с ними духовные училища различных ступеней, включая и высшие, являлись исключительно благоприятно обставленными очагами для занятий классическими языками, греческим и латинским, разумеется, они же являлись производственными пунктами также исследовательских работ по ним во всех отношениях и во всех разрезах, мыслимых при феодально-буржуазном строе. Из этих производственных пунктов выбрасывались на рынок сотнями и тысячами одних названий руководства и учебники, словари, грамматики, авторы комментированные, многотомные энциклопедии и колоссальные своды надписей с самым точным указанием всех выражений, всех слов, всех строк, где, когда-

либо кто-либо на этих языках, греческом и латинском, писал или говорил, да с обстоятельным и исчерпывающим или перечнем или сводом текстуально всех толкований, какие когда-либо кем-либо делались. Неправда ли, завидная обстановка этих языков, естественно разработанных так, как никакие языки, — обстановка, чрезвычайно благоприятствовавшая как их преподаванию в старой школе всех ступеней, так и исследовательской работе по ним? И тем не менее, падение классицизма, особенно занятий классическими языками, и на Западе не подлежит никакому сомнению. Однако, технически великолепно проработанная, особенно справочная богатая литература, без которой не обходимся ни в одном серьезном по истории человечества исследовании, продолжает свое действие, а на помощь ей приходит громадная живая сила, ибо надо учесть тот факт, что те же многочисленные производственные институты успели выпустить в мир по гуманитарным предметам армию ученых, естественно, наиболее квалифицированных по всем языкам, так как они росли непосредственно или посредственно в атмосфере интенсивных научных занятий греческим и латинским языками. И все это мощное культурное наследие печатных произведений и живых сил, т. е. вся веками, тысячелетиями накопившаяся исследовательская работа над двумя мертвыми языками Европы, часто с переживаниями допотопных представлений и невероятно наивных взглядов, легла тяжелым камнем на лингвистике, на учении об языке, занявшемся было сто лет тому назад зарей новой эры, так и не взошедшей. Самые основы лингвистической работы, социальные факторы и их живые творческие силы, так и не были даже нащупаны. Греческий и латинский языки, мертвые, сами по себе в свое время помеха присущей им громоздкой программой изучению живых языков Европы, не имели и не могли иметь никакой живой увязки с современным хозяйством и общественностью, и не могло не произойти то, что произошло: созданное в оторванном от жизни схематическом исследовании мертвых письменных языков голое формальное учение стало разлучником

между лингвистами старой школа и живой речью, а с нею и живым миром.

Почву для возникновения науки об языке, лингвистики, создало открытие санскрита, оказавшегося в родстве с господствующими европейскими языками, т. е. также классовыми, но этот восточный по местонахождению язык, оторванный в осознании ученого мира от увязки с многочисленными живыми языками массового населения своей же страны — Индии, еще более, чем классические языки Европы у себя, помог лишь построению и углублению формальной сравнительной грамматики, основанной на звуковых отвлеченностях соответственно оторванности мировоззрения господствующих в Европе классов от других слоев того же европейского мира, и лишь закрепил, казалось, окончательно, незыблимость господствующего значения греческого и латинского.

Мы сейчас не прослеживаем первоисточников недомогания старого учения об языке, и менее всего можем мы его идеологическое убожество ставить в вину или лично специалистам или самим мертвым языкам, подневольным жертвам их экспериментов. Отрешенная от увязки с живым окружением их теория соответствует оторванности идеологии господствующих классов от мировоззрений культурно отставших трудящихся слоев своего же европейского мира, пребывавших так же, как население эксплуатируемых колониальных стран, во власти первобытных представлений, а эта оторванность проистекала от сословно-классового расхождения материальных интересов эксплуатирующих и эксплуатируемых, и нам здесь нет надобности останавливаться на том, что подобно глоттогонии, языкотворчеству, теоретические учения об языке — также продукция социальных факторов и их активных сил, т. е. старое учение об языке своими качествами обязано в конечном счете породившей его целиком буржуазной идеологии. Нам важны факты, имеющие прямое отношение к актуальному расхождению, совершенно непримиримому, старого и нового учения об языке. А факт таков: те основные

вопросы, которые были поставлены лингвистически впервые новым учением об языке, никогда не ставились старым учением об языке. Или, если хотите, ставились, но отметались, как ненаучные, так, напр., вопрос о происхождении языка.

Те положения, которые уже незыблемо установлены новым учением об языке, настолько потому-то и непредвидены, что или они, действительно, противоречат в корне прежнему учению об языке, так называемой индоевропейской теории, заложенной основными линиями своего построения еще в первой половине прошлого столетия, или они особенно противоречат также в корне массовой квалифицированной рабочей силе старого учения, не идущей дальше общепринятых в руководствах и учебниках авторитетов и их взглядов и не всегда знающих даже то, что в самой среде индоевропеистов, т. е. специалистов старой школы, возникли, мало сказать, сомнения в правильности принятого ими и освященного давностью исследовательского направления. Критика этих индоевропеистов-уклонистов перешла пределы здоровой самокритики, обращаясь в червоточину, знаменующую внутренний распад так называемого индоевропейского учения об языке. Такие лингвисты-индоевропеисты, притом часто наиболее яркие и талантливые, как обычно признают все, я же скажу — лишь более осведомленные в языках различного типа, или глубже ушедшие в анализ собственной живой речи, всегда были единицами, и ныне их становится все больше и больше, так, напр., итальянский ученый Асколи, смеживший очи по завершении прошлого столетия (1829—1907), австрийский полиглот Шухардт, скончавшийся лишь два года тому назад, и др. Но этого мало. Рядом с индоевропейской лингвистикой стали возникать, исходя из ее формальных приемов, независимые теоретические учения, особенно те, которые наросли в исследованиях языков так называемых примитивов, африканских, американских, исследованиях всегда комплексных, рука об руку с изучением материальной культуры и бытовых мировоззрений, вообще идеологии культурно отсталых народов и племен. Особо значительные

успехи в этом кругу представляет лингвистическая школа, возглавляемая австрийским ученым Шмидтом, которого юбилейный (в день его семидесятилетия) сборник только что вышел, составленный из работ 76 авторов на пяти европейских языках (немецком, французском, английском, итальянском, голландском), том большого формата (фолио) в одну тысячу страниц. Первая работа — о субарах-шумерах, о тех субарах у пределов Ванского озера, которые являются, как мы указывали, тезками приволжских суваров, средневековых чувашей, откуда и по сей день название ряда чувашских деревень Субар, принадлежит нашему венскому последователю Блейхштейнеру[1]. Открывая сборник, в вступительных строках своей статьи, автор мотивирует свое подношение чувством преклонения перед широтой взглядов юбиляра, «знаменитого лингвиста» Шмидта, который первый ознакомил Европу с достижениями яфетической теории. Сама индоевропейская лингвистика дала не одну трещину по цельности своего учения, и один такой сильный процесс распада сказался в школе, выдвигающей на первый план живые диалекты в лингвитическом построении. Этого мало. В ней же, индоевропейской лингвистике, возникло новое течение, которое осознает, что эта теория не только устарела, но и зашла в тупик; что неразумно изучать самим так называемые индоевропейские языки так, как они изучались доселе — в изоляции, т. е., как не имеющая ничего общего с другими группами «особая семья языков»; что нельзя вовсе развивать далее общего учения об языке, исходя из установленных, казалось, незыблемых положений индоевропейской лингвистики, не скрестив их с результатами независимых работ над языками других групп, более того — нельзя выставлять вообще каких-либо положений или законов реального значения, не проработав их на материалах других языковых групп.

Однако, мы мало верим и в покаянные декларации загнанных в тупик индоевропеистов. Нам опять таки важны факты.

---

[1] См. выше, стр. 19.

А факты таковы, что по проторенной дороге исследовательски губятся не одни древние кельты и скифы, ныне уже мертвые народы. Тем же гибельным методом за кельтским и скифским языками затемняется истинная природа живой увязанной с ним речи не одного народа. Скифский язык имеет своих непосредственных наследников, более древних, частью на Кавказе, по восточному побережью Черного моря, частью по Поволожью, да на севере — в удмуртах или вотяках и в народе коми или зырянах, которые, оба народа, носят, как теперь выяснено, совершенно не случайно, две разновидности названия скифов (и ⌜r⌝-d, zir-yan).

Факты таковы, и мы, следовательно, имеем право репнительно утверждать, что с классическими языками труднее, чем с младописьменными языками какого бы типа они ни были, тем более типа столь многосторонне увязанной во все стороны живой речи, как чувашский язык; с ними хуже обстоит дело в отношении проработки их методом нового учения об языке. Достаточно сказать, что латинский и греческий язык ныне, в результате изолирующего метода индоевропейской лингвистики, не имеют никакой увязки с остальными языками мира, остальным человечеством; более того, весьма плохо увязаны они и друг с другом, с точки же зрения яфетической теории взаимная их увязанность ниже всякой критики, так как она только формально обоснованная, да и так ничтожная. Сейчас не только латинский и греческий, но все индоевропейские языки в лингвистическом отношении находятся в положении грузинского и ближайше сродных с ним, мегрельского, чанского и сванского языков, полстолетие тому назад, когда эту группу кавказских языков называли картвельскими и признавали не имеющими ничего общего ни с семитическими, ни с индоевропейскими, ни с урало-алтайскими, но относили к семье утраченных языков мира, которых никто не ведал. Так индоевропейские языки ныне, это факт, самими специалистами признаются совершенно изолированными, не имеющими ничего общего ни с семитическими, ни с хамитическими, ни

с урало-алтайскими, ни, разумеется, с африканскими или американскими, и сохраняющими родство лишь с пра-индоевропейским языком, которого никто не знает и не может знать, ибо никогда такого обособленного праязыка и не существовало.

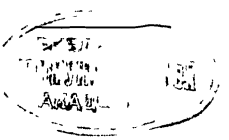
Ни греческий, ни латинский языки в этой разделяемой ими судьбе так называемой индоевропейской «семьи», понятно, сами неповинны, они доселе лишь в плену неправильного учения об языке, и, бесспорно, одна из самых ответственных задач нового учения об языке, яфетической теории, освободить их, освободить эти языки, а с ними и армию их зачарованных исследователей, всех так называемых лингвистов старой школы, но далеко не всегда стариков, из вавилонского плена формального учения.

А пока что и как объект исследования, и как материал для иллюстрации современного учения об языке, любой живой язык может заменить классический язык как предмет развивающий и содействующий культурному подъему своего народа более, чем классические языки в наличной их лингвистической разработанности. Преимущество выбора родной речи таким общеобразовательным предметом лингвистического порядка в советской национальной школе вытекает прежде всего из того, что в родной среде ее знают как свой язык и одновременно знают материальную культуру, быт и мировоззрение ее общественного окружения. Подлинные крестьянские дети приходят сейчас в школу с бо́льшей подготовленностью для усвоения нового учения об языке, обладая из практики знанием деревенского быта, живой этнографии и материальной культуры, чем раньше дети даже буржуазного класса, когда они являлись обучаться классическим языкам, не имея, разумеется, из дома ни малейшего понятия о живом быте, и общественности греков и римлян, ни малейшего знакомства с их историей материальной культуры. Уже на первых шагах школьного преподавания родного языка, когда дети приносят с собой обычно знание каждый своего говора, учитель, вооруженный методом нового учения об языке, в этих расхождениях детской

речи найдет не источник смущения, а материал и для разъяснения особенностей родной речи и для рационального обоснования использовать грамотность, а если ее нет, учиться и созидать единство типа своего языка, единство и стабилизованность письма, ту же грамотность. Уже на первых шагах школьного преподавания родного языка, когда дети, не одни деревенские, все почти одинаково приносят с собой пережиточное мировоззрение, часто первобытной общественности, с фетишами различных эпох стадиального развития, предметами магии и культа, тотемами, различными богами, и общими, и классовыми, национальными, учитель, вооруженный методом нового учения об языке и элементарным знанием его основных положений по палеонтологии речи, в этом богатом материале первобытной культуры, привносимом детворой, да взрослыми не менее, найдет опору для разъяснения того, как созидались слова магии и культа, названия фетишей и богов самим человечеством, нуждавшимся в этих фантомах для развития своей классовой культуры на тех ступенях стадиального развития, когда магия замещала науку, и как ныне переживания классовой идеологии тех древних эпох разобщают народы.

А с чувашским языком можно сделать больше по этой уже идеологической грамотности. Несмотря на слабую изученность его в свете яфетической теории, уже теперь он так легко увязывается идеологически и формально с языками различных систем, можно сказать, всего мира, помимо турецкого и угро-финского, прежде всего с яфетическими и яфетидоидными языками Афревразии—Берберии, Пиренеев, Кавказа, Памира, что одно ознакомление с фактами этого порядка, хотя бы в пределах уже выясненного, и попутное сообщение основных данных о соответственных народах и странах не может не содействовать расширению умственного кругозора учащихся. На дальнейшей ступени занятий этот положительный результат получит одновременно и умозрительное углубление и особое практически-общественное применение, когда у чувашского языка, разъясняемого

в этих международных путях мировой постановки учения об языке, окажутся новые точки опоры, они уже есть, для сближения с непосредственно соседящими языками, не только с финскими, зырянским, вотским, мордовским и марийским, но и с таким языком иной ступени, позднейшей, стадиального развития, как русский. И что ставило и до сих пор ставит в тупик ученых лингвистов со старым подходом, то в соответственно подготовленных материалистически просветленным знанием родного и любого соседящего языка послужит орудием нового просвещения. Оно даст иную оценку взаимоотношений и иное восприятие и своего и так называемых чужих языков, в том числе и во многих отношениях доселе важных новых европейских языков, более подготовленное для их усвоения и языковедное, и общее развитие. Да разве при этих условиях не явится фактом наше положение, что родная речь есть мощный рычаг культурного подъема? Разве при такой постановке изучения и преподавания даже чувашского языка, да и вообще всякого младописьменного языка, мы не получим значительного облегчения как в нашем актуальном и без того бесконечно трудном новом социалистическом строительстве, так в бесповоротно нарастающей в той же линии и неизбежной единой общественности и едином хозяйственно-культурном строительстве народов всего мира?



# УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ, РАЗБИРАЕМЫХ ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ В РАБОТЕ


**Абхазский язык**

à-bərà (a-bara) видеть 30
à-la собака 30
ɟə пей 12

**Армянский язык**

koyt стадо 28, 29
hur огонь 46
ϑɪw (род. п. ϑowoy) число 30

**Баскский язык**

abere овца, животное, 28
begɪ глаз 30.
ɪkusɪ видеть 30
neɪ̃ɪka девушка 23
ɪ̃ɪu огонь 46
urte год 46

**Берберский язык**

su пей 12

**Болгарский язык**

vere волк 37

**Венгерский язык**

lo лошадь 34
no женщина 23

**Вотский (удмуртский) язык**

abыz знахарь 21
dur край, сторона 23
ḍuatыnы, ḍualыnы зажечь 46
ɪn небо, 15, 24
ɪnmar бог, 15, 24
kwaʒ погода 15, 16
kыɪɪno ɪɪurt женщина 23
mu земля 22
mumы мать 23
murt человек 23
muʒem земля, см. mu 22
nonы груди 45
nu небо 45
pɪnal, pɪɳal молодой 45
punы собака 34, 35
puz яйцо 15, 16
sɪn глаз 39
sutыnы сжигать 46

ute лаять 34
udmurt удмурт 46
val лошадь 35
шоуыпы говорить 22
шundы солнце, 45, 46
шuу слово 22

### Греческий язык

"Ομηρος 22
οὐρανίη 24
οὐρανός 24
νεφέλη 46

### Грузинский язык

ıtkuıs говорить 22
umal перед 40
urem арба, телега 17
kamar арка, свод 14
kverʒʢ яйцо 14, 16
kolt стадо 28, 29
mtkems пастух 28
mtksa пасти 28
ʒowal глаз 30
su пей 12
tkuıs лжет 22
tkems овца 28
шua родил[га] 31
ʒʢovel животное 28
ʒın зрение, свет 39
tuma (tvıma) дождь 32
tın перед 39
ďal (*рука) сила 33
ďu самка 33

### Зырянский язык (коми)

yenej небо 24
dor сторона, край 33
şın глаз 39
ʒabыг кулак 13
шunde солнце 45

### Коптский язык

bal глаз 30

### Латинский язык

argentum серебро 42
aurum золото 28, 42
ferrum железо 42
cabal лошадь 35
nubes облака 45
plumbum олово 42
sol солнце 45
veritas истина 38

### Марийский (черемисский) язык

kĕtäш пасти 28
kĕto, kütö стадо 28
kəшkəjam (горн), kшukшjam (горн) еду верхом 37
pıгы волк 37
sənzä, şənzä (горн.) глаз 39, 40
tavar 27
ujas видеть 40
шay слово 22
шaya речь, молва, обман, ложный слух 22
шınʒa, шınďa (луг.) глаз 39, 40
шınʒaroj, шənďaroj орбита глаза 40

шinďa (диал.) глаз 41, см. шinǫa
шinďaш käräш вытаращить глаза 41
шo (←→шu) рука 31
шokш рукав 31
шənďaroj (лесн.) глаз см. шinǫaroj 40

### Мегрельский язык

шu пей 12, 32
ɾvaḍ шулятное яйцо 15, 16
koǫ человек 23
ǰqovar животное, овца 28

### Немецкий язык

Gold золото 29, 29

### Русский язык

время 17, 38
золото 28
истина 41
истый 41
комора 14
лаять 34
медь 42
небеса 46
небо 46
Синеус 41
скот 29
собака 35
солнце 45
товар 27, 27
товарищ 28, 29

### Сванский язык

kamar арка, свод 14

### Суоми

kivekset яйцо (анатомическое) 16
kulta золото 28, 29

### Турецкий язык

araba арба 16
at лошадь 30
altun золото 28
bak→baq видеть 30
börı волк 37
göz глаз 30
su вода 12, 32
yağmur дождь 32

### Украинский язык

уремя час 17

### Французский язык

le bronze 42
la chambre 14
le cheval 35
la vérité 38

### Халдский язык

ardı солнце 47
Sardur имя царя 47

### Чанский язык

kvaḍ шулятное яйцо 15, 16
kvaḍ жеребенок 15

koϑ человек 23
ɯu пей 12, 32

### Чувашский язык

əltan золото 28
əmərt огромный, сильный 15
əmərt kayək орел 15
um перед 40
uraba арба 16, 17
ut лошадь 34
yətə собака 34
yoməz←→yuməz знахарь 21, 25
yumaχ сказка 22, 25
kaɯkər волк 37
kĕtes пасти 28
kĕtü стадо 28
kuş глаз 30
leştыpы делать, lezыpы отпускать 33
malyenϑ низовые чуваши 19
pəχ смотреть 30
şəmər∽[h]əmər пасмурный 15
səmər, şəmər, səmar, sumər дождь 14, 15, 16
şəmər круглый 13, 14
şəmarδa яйцо 14, 15, 16
şınʤə, sınzə, şınʤe, şınϑe весенний праздник 39, 41
səmaχ слово, речь 22, 25
suyas лгать 23
suya ложь, тщета 23
tın глаз 41
tınkĕres вытаращить глаза 41
tavar 27, 28, 29
torə←→turə бог 23
tuβas находит 30
vıryal верхние чуваши 29
vər лаять 37
vĕrt дразнить собаку 37
ɯu вода 12,32
ɯuβaɯ чуваш 19, 20, 31
ϑul камень 36
ϑuvaɯ чуваш 15, 19, 20
ϑəmərδas, ϑəmrδas сжимать, тискать, округлить 13
ϑəmər круглый, кулак 13, 14
ϑən истина, правда 38, 39, 40, 41
ϑəvaɯ чуваш 15, 29, 31

### Шумерский язык

an небо 24
ɯu рука 31

### Племенные названия

вогулы 47
зыряне 67
кельты 58
колхи 57
скифы 29, 46, 58, 67
удмурты 46
ути 47
чуваши 15, 19, 20, 25, 29, 31, 45
чудь